

11.379

Н. НИКОЛАДЗЕ.

ПЕРЕГОВОРЫ СВЯЩЕННОЙ ДРУЖИНЫ
СЪ ПАРТІЕЮ
„НАРОДНОЙ ВОЛИ“

въ 1882 г.

ПЕТРОГРАДЪ

Складъ изданія: Владимірскій пр., 10, кв. 26. А. Д. Арабидзе.
1917.

Предисловіе

Предлежащій очеркъ первоначально напечатанъ былъ въ сентябрьской книгѣ журнала „Былое“ за 1906 г., подъ заголовкомъ „Освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго“. Подъ нынѣшнимъ своимъ титуломъ онъ врядь-ли могъ появиться тогда. Считаю долгомъ привести тутъ цѣликомъ примѣчаніе, которымъ снабдила очеркъ почтенная редакція журнала. Вотъ оно:

„Со многими взглядами автора настоящей статьи Н. Я. Николадзе редакція согласиться не можетъ. Тѣмъ не менѣе въ виду несомнѣннаго историческаго интереса тѣхъ событій, о которыхъ онъ рассказываетъ въ своей статьѣ—она печатается нами почти безъ всякихъ пропусковъ. Событія, о которыхъ повѣствуетъ Н. Я. Николадзе, отчасти рассказаны въ непечатанныхъ въ № 54 „Революціонной Россіи“ воспоминаніяхъ Н. К. Михайловскаго (въ нихъ Н. Я. Николадзе обозначаетъ буквою N), но рассказаны онѣ чрезвычайно глухо и не содержатъ въ себѣ главнаго—тѣхъ непосредственныхъ переговоровъ, которые велъ г. Николадзе съ Министромъ Двора гр. Воронцовымъ-Дашковымъ и флигель-адъютантомъ гр. Шуваловымъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Былого“ мы перепечатаемъ воспоминанія объ этихъ событіяхъ Н. К. Михайловскаго и дополнимъ ихъ общаными нами по этому же поводу рассказами В. Н. Фигнеръ, С. А. Иванова, Г. А. Лопатина и др. Д-ръ Т., о которомъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Михайловскій, обѣщалъ намъ дать объ этомъ же предметѣ и свой рассказъ. Кромѣ г. Николадзе, гр. Воронцовъ-Дашковъ велъ переговоры съ народовольцами и еще черезъ нѣкоторыхъ лицъ. Объ одномъ изъ нихъ упоминается въ польской книгѣ г. Склявуса—книгѣ, надо отдать ей полную справедливость, глубоко невѣжественной,—„Królobójsu“. (Тамъ говорится, между прочимъ, что „нигилисты“ поставили гр. Воронцову-Дашкову однимъ изъ условій принятія его предложенія освобожденіе.... Добролюбав! Стр. 357). Мы вовсе не ссылались бы на книгу г. Склявуса, если бы не слышали объ упомянутой въ ней фамилии г. Новинскаго, какъ лица, являвшагося посредникомъ между гр. Воронцовымъ-Дашковымъ и нѣкоторыми русскими эмигрантами, и изъ другихъ болѣе солидныхъ источниковъ“.

Надо прибавить, что когда писался и печатался этотъ очеркъ живы были не только главные дѣятели описанныхъ въ немъ переговоровъ, гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ и Л. А. Тихомировъ, но и нѣкоторые изъ упомянутыхъ въ немъ лицъ: С. Н. Кривенко, М. А. Антоновичъ, С. Е. Палашковскій. Изъ нихъ маститый критикъ „Современника“ здравствуетъ понынѣ.

Записка К. А. Бороздина къ счастью не осталась подъ спудомъ. Она доставлена была въ редакцію „Былого“ сыномъ моего искусителя, извѣстнымъ историкомъ А. К. Бороздинымъ, и напечатана въ сентябрьской книгѣ того же журнала годъ спустя, въ 1907 г., съ моими примѣчаніями. Въ общемъ она подтверждаетъ мой рассказъ, освѣщая его подъ другимъ угломъ зрѣнія.

Извѣстно, что описанные переговоры вызвали обширную критическую литературу, въ Россіи и за границей.

Очеркъ перепечатывается безъ всякихъ измѣненій, съ прибавкой многихъ подстрочныхъ примѣчаній.

Май 1917 г.

Переговоры „СВЯЩЕННОЙ ДРУЖИНЫ“ съ партією „НАРОДНОЙ ВОЛИ“ въ 1882 г.

I.

Мнѣ нужно начать рассказъ издалека, чтобы дать понятіе—какимъ образомъ я втянулся въ переговоры, въ успѣхъ которыхъ не вѣрилъ и отъ которыхъ ничего путнаго не ждалъ.

Большую часть „эпохи диктатуры сердца“ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова—съ которымъ меня сблизилъ походъ 1877 года—мнѣ пришлось провести въ ссылкѣ, за продерзости газеты „Обзоръ“, издававшейся мною въ Тифлисъ. Въ февраль 1881 г. Намѣстникъ Кавказскій, по ходатайству представителей общества, испросилъ мое освобожденіе, и я вернулся въ Тифлисъ поздно вечеромъ 1 марта, съ добрымъ запасомъ смѣлыхъ надеждъ и замысловъ. Тутъ градомъ посыпались разочарованія: сначала вѣсть о самоубійствѣ моего талантливаго сотрудника, молодого поэта Н. В. Симборскаго, застрѣливавшагося за немногую ей до моего возврата, а на утро—депеша объ убійствѣ Александра II. Пока публика напряженно ждала обнародованія конституціи, меня дожимала возня съ тифлисской полиціей, отъ нечего дѣлать принявшейся доискиваться—нѣтъ-ли связи между смертью Симборскаго и царевубійствомъ? Мои публицистическіе порывы расшибались о цензуру, почувявшую реакцію и отмѣривавшую мнѣ сторицею за причиненныя ей встарь огорченія. Дальше пошли апрѣльскій манифестъ, отставка гр. Лорисъ-Меликова и крутая сдача въ архивъ иллюзій, возлагавшихся на новое царствованіе. Какъ ни „хотѣлось надѣяться“, стало ясно: мнѣ тутъ ужъ не дадутъ работать. Но не такъ-то легко оторваться отъ родныхъ небесъ, отъ любимаго дѣла, и я мѣшкалъ въ раздумьи—куда итти?

Въ это критическое время, какъ снѣгъ на голову, свалился мнѣ таинственный незнакомецъ. Онъ предъявилъ мнѣ записку со штемпелемъ грѣмѣвшаго тогда „Исполнительнаго Комитета“, въ которой рекомендовалось оказать полное довѣріе предъявителю, уполномочиваемому Комитетомъ „Народной Воли“. Незнакомецъ сообщилъ мнѣ, что Исполнительный Комитетъ намѣренъ основать за-границей постоянный органъ партіи и остановилъ выборъ на мнѣ для редактированія изданія. Оно будетъ обставлено какъ нельзя быть лучше: въ средствахъ недостатка нѣтъ и т. д.

Какъ ни соблазнительно было предложеніе для журналиста, замученнаго цензурою, мнѣ нельзя было не отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ. Я объяснилъ своему посѣтителю, что по воззрѣніямъ своимъ не могу быть полезнымъ его партіи. Ей нуженъ лирикъ, вѣрующій въ творческую мощь подвига, въ чудотворность указовъ и террора. Я-жъ не таковъ: прогрессъ, по моему, зависитъ только отъ послѣдовательнаго роста силъ и сознанія

народа. Какъ земець, я убѣжденъ, что Русская соціально-революціонная партія напрасно транжирить лучшія силы Россіи на героическую борьбу, скорѣе отодвигающую, чѣмъ приближающую эру народнаго самоуправленія и благоденствія. Во всякомъ случаѣ ея политика въ верховной степени рискована, ибо ставить на карту роль интеллигенціи въ жизни государства, по крайней мѣрѣ, на многія десятилѣтія. Дѣло народнаго освобожденія необходимо поставить въ условія безпроигрышной борьбы. Безкорыстную молодежь, основательно подготовленную, нужно направить въ земскіе, городскіе, желѣзнодорожные и всякіе иные дѣятели, гдѣ такъ легко приобрести любовь и довѣріе народа, конечно не пропагандою „Хитрой механики“ или „Сказки о четырехъ братьяхъ“, не призывомъ къ бунту, а неустаннымъ трудомъ надъ порученнымъ дѣломъ, съ постоянною заботою—принести возможно большому числу окружающихъ наибольшую дозу реальной, оцутительной пользы. Эта роль создастъ интеллигенціи—конечно не въ годъ, не въ десятилѣтіе—непоколебимое вліяніе на народъ. Русское правительство, также какъ и монархія Бонапарта, по модели которой выкроилъ и сѣорганизовалъ его Сперанскій, неуязвимо изнутри. Оно можетъ и должно пасть только подъ ударами внѣшняго врага, съ которымъ оно безсильно справиться, вслѣдствіе лежащаго въ его основѣ непримиримаго конфликта съ культурою и прогрессомъ*). По моему—задача освобожденія страны заключается въ накопленіи интеллигенціею достаточныхъ силъ къ тому неизбѣжному времени, когда правительство, подъ ударами Европы, вновь очутится въ такомъ же беспомощномъ положеніи, въ какое впало послѣ Севастополя. Незнакомецъ, разумѣется, горячо и убѣжденно оспаривалъ меня. Онъ доказывалъ, что на своей собственной судьбѣ я долженъ былъ удостовѣриться, насколько легальная прогрессивная дѣятельность немислима въ странѣ самодержавія: вы, небось, не выходили изъ рамокъ легальности; тѣмъ не менѣе васъ сослали за статьи газеты, за рѣчи въ думѣ. Каждый изъ насъ остался при своемъ взглядѣ.

Въ послѣдующіе дни незнакомецъ нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ и подолгу засиживался, въ бесѣдахъ то на ту же тему, то по поводу другихъ тогдашнихъ дѣлъ. Между прочимъ снѣ попросилъ меня помочь ему въ дѣлѣ взысканія по векселямъ нѣкоторой денежной суммы**). Я обратился съ этою цѣлью къ члену Тифлисской Судебной Палаты Я. И. Рашету, сотрудничавшему по временамъ въ „Обзорѣ“, съ просьбою велѣть ускорить производство дѣла, при чемъ я ему представилъ своего знакомаго, конечно, подъ фиктивную фамилію, которою онъ себя называлъ въ Тифлисъ. Благодаря любезности Я. И. Рашета онъ чрезвычайно скоро получилъ полное удовлетвореніе своей претензіи.

Изъ разговоровъ съ незнакомцемъ я довольно скоро сообразилъ, что имѣю дѣло съ тѣмъ изъ террористовъ, который устраивалъ подкопъ подъ Малую Садовую улицу и пользовался въ то время широкою извѣстностью

*) Надѣюсь, этотъ афоризмъ подтвержденъ событіями нынѣшней нашей революціи.

***) Рѣчь шла о реализаціи наслѣдства, оставленнаго партіи покойнымъ ея членомъ княземъ Циціановымъ.

вымышленным именем Кобозева. Дѣйствительной своей фамиліи коонецъ мнѣ не называлъ. Окончивши свои дѣла, Кобозевъ простился ною и уѣхалъ изъ Тифлиса, разумѣется, не говоря куда.

II.

Мѣсяца черезъ два послѣ него покинулъ Тифлисъ и я, убѣдившись олицѣйшей невозможности не только возобновленія „Обзора“, но и кабы то ни было дѣятельности въ краѣ, на литературной или общественно-аренѣ.

Въ концѣ лѣта я очутился въ Петербургѣ на частной желѣзнодорожной станціи, къ которой не имѣлъ не только никакого призванія, но и ни малейшей симпатіи. То было министерство графа Н. П. Игнатъева: время прихода свѣдущихъ людей, постановки разныхъ экономическихъ и общественно-политическихъ вопросовъ. По настояніямъ нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ я обратился въ Главное Управление по дѣламъ печати, съ прошеніемъ о дозволеніи перенести изданіе „Обзора“ изъ Тифлиса въ Петербургъ. Главное Управление очень скоро отвѣтило мнѣ весьма рѣзкимъ отказомъ. Извѣстіе объ этомъ тогда же проникло въ печать. Это было въ ноябрѣ или въ декабрѣ 1881 года.

Лѣтомъ слѣдующаго затѣмъ 1882 года меня совершенно неожиданно посетилъ Корнилій Александровичъ Бороздинъ, нѣкогда, въ пятидесятыхъ годахъ, служившій на моей родинѣ чиновникомъ особыхъ порученій при высшемъ генералъ-губернаторѣ. Онъ объяснилъ мнѣ, что имѣетъ возможность оказать поддержку въ дѣлѣ разрѣшенія мнѣ перенести въ Петербургъ изданіе газеты „Обзоръ“, такъ какъ еще со школьной скамьи, по знакомству съ университетомъ, связанъ тѣснѣйшею дружбой съ А. А. Георгіевскимъ, какъ извѣстно, пользующимся неограниченнымъ довѣріемъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстого.

Къ этому предложенію нельзя было не отнестись скептически: для изданія газеты требовалось не менѣе трехсотъ тысячъ рублей; компаньоновъ на либеральное изданіе при министерствѣ графа Д. А. Толстого достать, конечно, невозможно. Всѣмъ извѣстно его безцеремонное отношеніе къ печати, и потому, наврядъ ли кто рискнетъ дать деньги подъ паи такого, не имѣющаго шаткаго, предпріятія, какъ свободомыслящая газета. Бороздинъ въ это возражалъ, что при графѣ Д. А. Толстомъ сподручнѣе издавать газету, такъ какъ онъ послѣдовательный „человѣкъ системы“. Если сойтись съ нимъ при началѣ дѣла относительно границъ дозволеннаго или не дозволеннаго, да самому вести изданіе съ неуклонною послѣдовательностью, можно быть увѣреннымъ въ спокойной будущности. Даетъ же гр. Толстой существовать „Вѣстнику Европы“, безъ всякаго измѣненія политики, смотря на то, что журналъ М. М. Стасюлеича вель противъ него ожесточенную и непримиримую борьбу за все время нахождения графа во главѣ министерства народнаго просвѣщенія. Установленіе такого же постояннаго источника vivendi особенно удобно при содѣйствіи А. А. Георгіевскаго, если вы ознакомите его черезъ меня съ тѣмъ направленіемъ, которое желаете вы въ вашемъ изданіи.

Послѣдній доводъ пошатнулъ меня. Началъ я наводить у нашихъ общихъ знакомыхъ—кавказцевъ—справки про своего искусителя. Оказалось, что г. Бороздинъ дѣйствительно располагаетъ цѣнными связями, пишетъ въ распространенныхъ газетахъ и историческихъ журналахъ, и живетъ, главнымъ образомъ, сочиненіемъ брошюръ и докладныхъ записокъ для малограмотныхъ претендентовъ на роль спасателей государства. При дальнѣйшихъ свиданіяхъ я принялся излагать г. Бороздину, для доклада г. Георгіевскому, программу газеты, такъ сказать игнорирующей политику министерства внутреннихъ дѣлъ, и налегающей, главнымъ образомъ, на дѣловые вопросы, на науку, экономику, финансы, технику, литературу, и, въ особенности, на культурную жизнь европейскихъ народовъ. Мнѣ приходилось импровизировать предъ собесѣдникомъ передовыя и критическія статьи воображаемой газеты, причемъ г. Бороздинъ безцеремонно допытывался, — какъ смотрю я на тѣ или другіе предметы и какъ отзовется моя газета на такія или иныя явленія жизни. Нужно помнить, что передо мною сидѣлъ старецъ съ окладистою сѣдою бородою, съ манерами стариннаго барина и даже вельможи, дружившій встарь съ моимъ отцомъ, чуть не нянчившій меня ребенкомъ. Съ полнѣйшею откровенностью выкладывалъ я г. Бороздину свои взгляды и намѣренія, свою программу и направленіе. Все клонилось и сводилось къ одной завѣтной цѣли: содѣйствовать воспитанію и развитію мѣстнаго самоуправленія, для облегченія неизбежной въ будущемъ смѣны самодержавія народоправіемъ. Исчерпавъ всевозможныя темы, мой собесѣдникъ скоро добрался до сути своихъ распросовъ: отношенія газеты къ тогдашней злобѣ дня, — къ крамолѣ. Мое заявленіе, что не позволю себѣ равно никакихъ отзывовъ на эту тему, кромѣ голой перепечатки правительственныхъ сообщеній и официальныхъ документовъ, и поразило и раздосадовало г. Бороздина, который до тѣхъ поръ относился къ моимъ объясненіямъ съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ. На его просьбы дать ему возможность объяснить г. Георгіевскому мотивы столь страннаго отношенія газеты къ капитальнѣйшей сторонѣ современности, я отвѣтилъ заявленіемъ, что мнѣ никто не позволитъ доискиваться причинности явленій, критиковать обѣ противоположныя стороны и предлагать исходъ изъ заколдованнаго круга. Нападать же на одну только — притомъ безответную — сторону не только неблаговидно, но и безцѣльно. Вѣдь всѣ газеты этимъ занимаются, и, какъ знаете, вовсе не въ ущербъ крамолѣ.

Слово за слово мы вступили въ одушевленный и откровенный — по крайней мѣрѣ, съ моей стороны — споръ. Я доказывалъ, что какъ насажденіе крамолы, такъ и ея искорененіе — дѣло правительства. Самодержавіе — необходимая принадлежность лишь первоначальнаго роста государственнаго организма. По мѣрѣ же осложненія жизни оно уже не въ силахъ управлять — изъ Петербурга — всѣми функціями страны, занявшей чуть-ли не полъ-свѣта. Оно само должно готовить себѣ достойнаго преемника, а такимъ можетъ быть лишь народное самоуправленіе. Такъ было вездѣ, и Россія не составляетъ исключенія. Растущую не по днямъ, а по часамъ, интеллигенцію нельзя вмѣстить въ канцеляріи. Ей нужно открытъ достойное поприще независимой работы надъ улучшеніемъ народнаго быта, а для этого необходимо расширить сферу дѣятельности земства и поддержать, окрылить общественную инициативу, самодѣятельность и т. д. Вотъ единственный вѣрный путь к

упраздненію крамолы. Г. Бороздинъ, не оспаривая этого взгляда по существу, утверждалъ, что террористическіе факты тѣмъ собственно и вредны, что не позволяютъ правительству стать твердою ногою на такой путь. Въ разгарѣ этого спора про яйцо и курицу, мой искуситель, многозначительно взглянувъ на меня, спросилъ: „вѣдь вы сами, небось, не симпатизируете терроризму, и не скрываете этого чувства отъ террористовъ? Почему же не высказывать его читателямъ“? Я наострилъ уши и принялся думать—откуда это г. Бороздинъ можетъ знать про мои такія чувства? Споръ, по обыкновенію, кончился тѣмъ, что обѣ стороны остались при своемъ и разошлись въ ожиданіи рѣшенія А. А. Георгіевскаго и гр. Д. А. Толстого.

Въ сентябрѣ 1882 г. Бороздинъ принесъ мнѣ извѣстіе, что г. Георгіевскій, находя мою программу осуществимою, хотѣлъ бы однакожь знать—буду ли я располагать достаточными матеріальными средствами для ея осуществленія, и въ какой мѣрѣ я буду обладать независимостью по отношенію къ лицамъ, дающимъ деньги на изданіе? Вѣдь влияніе въ газетѣ, въ концѣ концовъ, переходитъ-де къ капиталу. На это я отвѣтилъ, что намѣренъ устроить акціонерное общество или, вѣрнѣе, товарищество на вѣрѣ, по образцу тѣхъ, какія основаны были мною въ Тифлисѣ для изданія „Тифлискаго Вѣстника“ и „Обзора“. Въ такихъ товариществахъ пайщики, по договору, не въ правѣ вмѣшиваться въ редакторскую и вообще литературную сторону дѣла, а вліяютъ лишь на веденіе хозяйства газеты и на распредѣленіе ея барышей или убытковъ.

Черезъ нѣсколько дней г. Бороздинъ сообщилъ мнѣ, что г. Георгіевскій находитъ мои расчеты неосновательными. Возня съ пайщиками сложная, неустойчивая вещь. Я могу рассчитывать получить разрѣшеніе въ томъ только случаѣ, если представлю порукою за себя одно какое-либо состоятельное лицо, денежное участіе котораго служило бы для правительства гарантіею благонадежности газеты. Я сказалъ, что такого богача у меня нѣтъ, что лицъ, способныхъ вложить въ столь шаткое дѣло 300,000 рублей, въ Россіи не сыщешь, что задаваться подобными цѣлями значитъ гоняться за химерой и что, слѣдовательно, дѣло наше надо бросить. Тогда г. Бороздинъ началъ клясться, что я ошибаюсь, что у него имѣется на примѣтѣ одинъ такой знакомый, князь П. Демидовъ-Санъ-Дonato, съ которымъ онъ беретъ устроить мнѣ соглашеніе. Я рѣшительно отклонилъ это предложеніе, рѣзкимъ заявленіемъ, что становиться въ положеніе г. Спичакова и повторять опытъ газеты „Россія“ (издававшейся передъ тѣмъ на средства кн. Демидова*), я не намѣренъ.

Нельзя при этомъ не упомянуть, что г. Бороздинъ, ссылаясь на продолжительность его переговоровъ со мною и съ г. Георгіевскимъ, отымавшихъ у него его рабочее время, и на затруднительность денежныхъ обстоятельствъ, началъ забирать у меня, заимобразно и на короткіе сроки, то сотню рублей, то двѣсти, то триста. Сначала онъ аккуратно возвращалъ мнѣ занятый деньги. Но съ теченіемъ времени, вмѣсто взятыхъ сотенъ, сталъ уплачивать лишь десятки. Все болѣе и болѣе приходило въ голову, что раз-

*) Рѣчь шла о газетѣ „Россія“ 1880-го а не 1898 г.: послѣдняя издавалась г. Савонымъ при участіи А. В. Амфитеатрова.

говору про г. Георгіевскаго и кн. Демидова не болѣе, какъ благовидный предлогъ для занимаія денегъ. Серьезное отношеніе къ дѣлу постепенно замѣнялось у меня юмористическимъ, на почвѣ грузинскаго благодушія и невольнаго состраданія къ старцу, обремененному большою и очень симпатичною семьею.

Наконецъ г. Бороздинъ, зазвавъ меня къ себѣ, сообщилъ подъ великимъ секретомъ, что онъ счелъ себя въ правѣ выяснить пользу и значеніе моей газеты одному изъ своихъ старинныхъ пріятелей, обладающему огромнымъ состояніемъ и занимающему значительный постъ въ правительствѣ. Эта особа готова предоставить въ мое распоряженіе 300,000 рублей, не налагая на меня никакихъ иныхъ обязательствъ, кромѣ обѣщанія—свято держаться намѣченной мною программы. Изъ деликатности, не желая обидѣть бѣднаго старика заявленіемъ, что я не вѣрю въ подобный вздоръ и вижу цѣль его сочиненія, принялся я доказывать, что въ глазахъ читающей публики денежное участіе въ газетѣ лица, занимающаго выдающійся постъ, неминуемо уронитъ довѣріе къ независимости и безпристрастію моего органа и придастъ ему подкладку предпріятія, преслѣдующаго вовсе не литературно-общественныя цѣли.

Въ отвѣтъ на это у г. Бороздина вырвалось возраженіе, что „этого никто никогда не узнаетъ: сумма будетъ передана вамъ съ глазу на глазъ, безъ расписокъ, на честное слово“.

Я всталъ и ушелъ, успѣвъ сказать г. Бороздину только то, что не желаю болѣе ни разговаривать съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, ни вообще продолжать своихъ съ нимъ сношеній.

III.

Гора свалилась съ плечъ; я былъ въ восторгѣ отъ разрыва. Но не успѣлъ я вернуться къ себѣ домой, какъ получилъ отъ г. Бороздина письмо, въ которомъ онъ увѣрялъ меня, что я неправильно его понялъ, что онъ и въ помыслахъ не имѣлъ оскорблять меня, что онъ вѣроятно обмолвился, извиняется и т. д. Горничной, привезшей письмо, было сказано, что отвѣта не будетъ.

На слѣдующее утро—новое письмо. Въ немъ г. Бороздинъ умолялъ меня выслушать его, клянясь, что долженъ переговорить со мною о дѣлѣ чрезвычайной важности. Онъ писалъ, что само это дѣло, несравненно болѣе крупное, чѣмъ то, о которомъ мы съ нимъ прежде совѣщались, исполнитъ уяснить мнѣ его поведеніе и чистоту побужденій. Я не отвѣтилъ и на это посланіе. Въ тотъ же день г. Бороздинъ буквально ворвался ко мнѣ въ квартиру и, несмотря на заявленія мои, что ни извиненій, ни сообщеній его я выслушивать не хочу, выложилъ мнѣ приблизительно слѣдующее:

„Сначала я интересовался вами какъ журналистомъ, которому мнѣ выгодно помочь пріобрѣсть газету, чтобы тѣмъ и самому пристроиться. Но съ того момента, какъ вы коснулись вопроса о крамолѣ, ваша газета отодвинулась у меня на задній планъ. Мнѣ показалось, что возможно извлечь изъ вашихъ идей большую пользу для Россіи. Вы могли бы подвинуть обѣ стороны: правительство—на уступки и реформы, а молодежь—на отреченіе отъ террористическаго образа дѣйствій, если вась сдѣлать посредникомъ“

между правительствомъ и революціонною партіею. Чтобы выяснитъ себѣ, насколько правительство склонно стать на такой путь, мнѣ необходимо было переговорить съ кѣмъ нибудь изъ лицъ, стоящихъ у самаго трона. Вы знаете, съ какими тузами мнѣ приходилось дружить на Кавказѣ. Изъ нихъ многіе теперь стоятъ на недоступной высотѣ. Во время моей службы при кн. А. И. Барятинскомъ, я близко сошелся съ графомъ И. И. Воронцовымъ-Дашкскимъ, состоявшимъ тогда адъютантомъ при князѣ - Намѣстникѣ, а теперь занимающимъ постъ Министра Императорскаго Двора. Несмотря на разницу нашихъ положеній, связь эта до сихъ поръ не порвалась. Выслушаеъ гасъ, я обратился къ графу, къ которому имѣю болѣе свободный доступъ, чѣмъ любой товарищъ министра. Я неоднократно слышалъ изъ его устъ, насколько скорбитъ душа Государя при мысли о крамолѣ и о вынуждаемыхъ ею репрессивныхъ мѣрахъ. Нѣтъ такой жертвы, которую бы онъ не былъ готовъ принести, лишь бы достигнуть умиротворенія, и только затѣмъ, чтобы не быть принужденнымъ казнить и ссылатъ этой массы юношей, которыхъ ему жаль, какъ человѣку, какъ отцу. Къ несчастію, никто изъ его окружающихъ въ этомъ помочь ему не можетъ, потому что никто изъ нихъ не въ силахъ найти дорогу къ уму и сердцу молодежи, вліять на нее, заговорить съ нею понятнымъ для нея языкомъ. Возьмитесь за эту святую роль, отдайтесь всею душою этому благородному дѣлу, и тысячи, десятки тысячъ семействъ благословятъ вашу память за возвратъ имъ потерянныхъ дѣтей, за избавленіе ихъ отъ опасностей крамолы. Этимъ путемъ вы приблизите осуществленіе тѣхъ самыхъ преобразованій, для проведенія которыхъ въ общественное и правительственное сознаніе вы принимаетесь за изданіе газеты. Наконецъ, не трудно сообразить и то, насколько тѣмъ самымъ облегчена будетъ для васъ какъ возможность полученія права издавать газету, такъ и самая дѣятельность ваша въ ней..."

Много и долго говорилъ на эту тему г. Бороздинъ, пока не заключилъ словами: теперь, ужъ не отъ своего имени, а отъ имени гр. И. И. Воронцова-Дашкова, я приглашаю васъ къ нему, для выясненія ему вашихъ мыслей. Если вы не доверяете мнѣ, то, согласитесь, что слову графа вы можете повѣрить. Онъ представитъ васъ Государю, если вы этого захотите изъ недоувѣрчивости къ гр. Воронцову-Дашкову. Тогда вы, надѣюсь, вполне убѣдитесь, какъ много правды кроется въ моихъ фантазіяхъ, осуществленіе которыхъ теперь въ вашей власти.

Какъ ни внушительна была картина, нарисованная г. Бороздинымъ, какъ ни обильно орошалось его лицо слезами—въ особенности, когда рѣчь зашла объ отцовскихъ чувствахъ Государя и о признательности десятковъ тысячъ семействъ, всежъ не могъ я забыть горькой истины, что все это—въ лучшемъ случаѣ—не болѣе, какъ мечты и фантазіи, осуществленіе которыхъ непосильно никакой отдѣльной личности.

— Одно изъ двухъ, отвѣтилъ я г. Бороздину: или правительство дѣйствительно желаетъ перемѣнить свою политику, и, въ такомъ случаѣ, роль моя излишня, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ неминуемо и само собою произойдетъ поворотъ и въ поведеніи молодежи; или же оно этого дѣлать не намѣрено, и тогда роль моя бесплодна; тогда никому на свѣтѣ не удастся ни на волосъ измѣнить настроеніе энтузіастовъ. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ, одинаково незачѣмъ соваться въ дѣло. Вы говорите, что заручились согласіемъ

одной стороны—правительственной. Но имѣется вѣдь и другая—революціонная. Какое я могу имѣть воздѣйствіе на нее?

Снова тотъ же многозначительный взглядъ, отдававшій стекломъ, и намекъ: не безпокойтесь, вы у нихъ на прекрасномъ счету. Говорятъ, они васъ въ свои публицисты прочили и даже отказъ не уронили васъ въ ихъ мнѣніи.

— Откуда вы это взяли?

Послѣ долгихъ отнѣкиваній, г. Бороздинъ признался, что слышалъ отъ одного изъ своихъ родственниковъ, состоящаго выдающимся членомъ „Священной Дружины,“ про перехваченное письмо Кобозева, изъ Тифлиса, съ извѣстіями объ его мисси, моемъ отказѣ и т. п.

Г. Бороздина я выпроводилъ наконецъ обѣщаніемъ обдумать всесторонне приглашеніе гр. Воронцова-Дашкова и дать отвѣтъ черезъ нѣсколько дней.

IV.

„Бѣдный старецъ“ показался мнѣ теперь въ новомъ свѣтѣ. Связь его съ тайною полиціей стала яснѣе дня: откуда иначе онъ могъ знать про письмо Кобозева? Преобладающимъ моимъ ощущеніемъ при мысли о Бороздинѣ стало инстинктивное опасеніе, что онъ втянетъ меня въ невылазную грязь. Ни въ какое примиреніе я, конечно, не вѣрилъ. Имя же гр. Воронцова-Дашкова наводило мысль на замыселъ—обезпечить, посредствомъ какихъ нибудь переговоровъ, безопасность предстоящей коронаціи отъ нарывовъ и покушеній. Вмѣшательство въ такіе переговоры больше всего претило мнѣ потому, что могло выставить меня въ глазахъ обѣихъ сторонъ „честнымъ маклеромъ“, ловящимъ рыбу въ мутной водѣ и ищущимъ личныхъ выгодъ. Въ Петербургѣ меня никто основательно не зналъ. Для всѣхъ я былъ тамъ одинокимъ новичкомъ, всѣмъ я былъ чуждъ. Не было тутъ у меня ни старыхъ друзей, ни прочныхъ связей, ни „революціоннаго прошлаго“ *). Время же было тревожное. Другъ на друга всѣ смотрѣли, точно травленные волки, съ опаскою и подозрѣніемъ: не шпіонъ ли? Не бомбонсецъ-ли? Не съ кѣмъ было подѣлиться мыслями. Послѣ долгихъ думъ рѣшился я посоветоваться съ тремя лицами, мнѣніямъ которыхъ придавалъ наиболѣе вѣское значеніе: съ однимъ дѣльцомъ, съ которымъ съ молодю былъ знакомъ и друженъ **), и съ двумя литераторами: М. А. Антоновичемъ и Н. К. Михайловскимъ. Перваго я высоко чтить еще по „Современнику“, а второй незадолго передъ тѣмъ радушно открылъ мнѣ двери „Отечественныхъ Записокъ“. (Кстати замѣчу, мнѣ удалось, если не примирить этихъ выдающихся представителей двухъ разныхъ теченій передовой русской мысли, то, по крайней мѣрѣ, установить между ними сносна личныя сношенія, что представлялось невѣроятнымъ лицамъ, помнившимъ ихъ политику).

*) А изданіе заграницей „Современности“?

Ред.

***) Съ инженеромъ С. Е. Палашковскимъ, нынѣ покойнымъ.

Первымъ повидаль я Н. К. Михайловскаго, которому дословно разскалъ всю исторію моихъ бесѣдъ съ г. Бороздинымъ. Онъ сразу не одобрилъ его пессимистическаго отношенія къ дѣлу. На совѣщаніе призванъ былъ ближайшій (въ то время) сотрудникъ его, С. Н. Кривенко,*) отнесшійся къ дѣлу совершенно одинаково съ г. Михайловскимъ. Оба горячо доказывали мнѣ, что я всенепремѣнно долженъ войти въ сношенія съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ. По ихъ словамъ, революціонная партія была въ ту пору крайности ослаблена. Ей, все равно, долго ничего серьезнаго нельзя будетъ дѣлать собственными силами. Въ этомъ положеніи компромисъ съ правительствомъ, какъ бы жалки для партіи ни были прямыя ея выгоды, все-же послужить ей золотымъ мостомъ, оправданіемъ ея продолжительнаго бездѣйствія, и безъ того вѣдь неизбежнаго, признаніемъ ея существующею державою, а главное—передышкою въ трудную пору и спасеніемъ отъ окончателнаго разгрома послѣднихъ ея остатковъ. А можетъ быть удастся и реальныя какія нибудь блага выторговать, въ родѣ улучшенія положенія печати, частичной амнистіи и т. п. Н. К. Михайловскій, чтобы подбодрить меня, обѣщаль, что самъ поѣдетъ на югъ, разыщетъ важнѣйшихъ членовъ Исполнительнаго Комитета и лично воздѣйствуетъ на нихъ, и чѣмъ ручался, что данное ими слово свято будетъ сдержано цѣлою партіею. С. Н. Кривенко поддакивалъ его словамъ своимъ милымъ и добрымъ взглядомъ, умоляя меня принять приглашеніе. Но когда я предложилъ Н. К. Михайловскому замѣнить меня и прямо взять на себя посредничество, которое у него несравненно больше правъ, въ глазахъ обѣихъ сторонъ, чѣмъ у меня, совершенно неизвѣстнаго имъ человѣка, онъ рѣшительно склонилъ эту мысль. Правительство въ такомъ случаѣ убѣдится, сказалъ онъ, что я-то и состою главаремъ революціи. Я утѣшалъ его, что зато онъ гарантированъ противъ худшей бѣды: публика никогда не заподозритъ его въ шпіонствѣ; я же рискую попасть въ это досадное положеніе. Онъ брался охранять меня отъ такой опасности.

Только послѣ разговора съ Н. К. Михайловскимъ и С. Н. Кривенко началъ серьезно обдумывать предложеніе г. Бороздина. Но все-жъ главною моею моихъ помысловъ было опасеніе послужить орудіемъ полицейской интриги, а вовсе не забота объ успѣхѣ переговоровъ: ихъ задача представлялась мнѣ безусловно химеричною, неосуществимою. Поэтому я началъ придумывать способы обхода предстоявшей и пугавшей меня лужи. Заявлю, придумалъ я, что въ предѣлахъ Россіи не могу свидѣться ни съ кѣмъ изъ революціонеровъ, что буду вести переговоры лишь съ тѣми ихъ главарями, которые живутъ за-границей. При этомъ постараюсь ни съ кѣмъ не вѣстаться, чтобы за моею спиною никого не выслѣживали и т. п. Съ другой стороны, въ огражденіе своего добраго имени отъ подозрѣнія въ преслѣдованіи личныхъ выгодъ, я собирался поставить правительству два условія: во-первыхъ, что поѣздку свою я совершу на свой собственный счетъ, такъ какъ не желаю имѣть ни малѣйшаго соприкосновенія съ секретными фондами правительства, а во-вторыхъ, въ вознагражденіе своихъ трудовъ, перебую, чтобы, каковъ бы ни былъ конечный результатъ моихъ усилій, я

видѣ личной мнѣ награды, освобожденъ былъ изъ заточенія писатель Н. Г. Чернышевскій, уже болѣе 20 лѣтъ томившійся въ неволѣ. При соблюденіи этихъ двухъ условій, казалось мнѣ, никакія сплетни и подозрѣнія запачкать меня уже не могутъ.

М. А. Антоновичъ выслушалъ меня много спокойнѣе Н. К. Михайловскаго; въ началѣ онъ даже иронизировалъ, приговаривая: „такъ, такъ, ну-да“. Но когда дѣло коснулось моихъ опасеній и расчетовъ, и онъ заволновался. Подъ влияніемъ того умильнаго и благоговѣйнаго чувства, которое увлажняетъ его глаза при всякомъ воспоминаніи о Н. Г. Чернышевскомъ, онъ вскочилъ и закричалъ:

— Какъ можно помнить о своей репутациі, когда является надежда власти Чернышевскаго?

Иначе взглянулъ на положеніе третій мой знакомый,—дѣлецъ. Онъ долго молчалъ, обдумывая и взвѣсивая всѣ вѣроятныя послѣдствія переговоровъ, и кончилъ совѣтомъ—ни подъ какимъ видомъ „не впутываться въ эту гнусную исторію“. Въ глазахъ правительства, увѣрялъ онъ меня, вы навсегда прослывете террористомъ; революціонеры же васъ всегда будутъ считать правительственнымъ агентомъ. Онъ даже опасался, что, добившись своей цѣли, конечно мелкой, правительство непремѣнно или казнитъ меня втихомолку, или зашлетъ къ чорту на кулички, куда нибудь въ Камчатку, чтобы лучше скрыты концы въ воду. Но насколько пугала меня моральная опасность предпріятія, настолько-же беззаботенъ былъ я насчетъ его физическихъ послѣдствій.

Въ концѣ концовъ, скрѣпя сердце, я заявилъ г. Бороздину, что съ той минуты, какъ гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ лично возложитъ на меня такое порученіе, я постараюсь вѣрою и правдою послужить дѣлу устраненія затрудненій, препятствующихъ мирному росту нашего государства.

Мое свиданіе съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ состоялось, впрочемъ, не скоро. Часъ и день свиданія назначался не разъ и не два, но затѣмъ отменялся подъ тѣмъ, либо другимъ предлогомъ. Между тѣмъ г. Бороздинъ объяснялъ мнѣ, что гр. Воронцовъ-Дашковъ опасается—не ошибаюсь-ли я, полагаясь исключительно на теоретическія свои соображенія, да на знакомство лишь съ литературою предмета? „Все это быть можетъ и вѣрно, высказалъ де графъ, но гораздо цѣннѣе было-бы, если-бъ увѣренность эта основывалась на мнѣніяхъ и сужденіи важнѣйшихъ главарей партіи“. Поэтому г. Бороздинъ находилъ, что если бы я успѣлъ заручиться какимъ либо заявленіемъ революціонеровъ, или кого нибудь изъ ихъ главарей, о готовности ихъ сложить оружіе, въ случаѣ принятія правительствомъ извѣстныхъ мѣръ, то всѣ колебанія гр. Воронцова-Дашкова сразу-бы прекратились. Оспаривая какъ необходимость, такъ и достовѣрность подобнаго выясненія, я выставилъ г. Бороздину свою полнѣйшую непригодность для такой роли. Я тѣмъ рѣшительнѣе отказался отъ нея, что очень хорошо понималъ, что подъ прикрытіемъ имени гр. Воронцова-Дашкова—котораго я еще не видѣлъ и который для меня все еще не переставалъ быть мифомъ,—г. Бороздинъ могъ имѣть надежду превратить меня въ полицейскую западню. Поэтому я сказалъ ему, что пока не увижусь съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ, я объ этомъ дѣлѣ болѣе и разговаривать не буду.

*) Въ разсказѣ Н. К. Михайловскаго фигурируетъ подъ буквою К.

Наконецъ г. Бороздинъ свезъ меня въ Петергофъ, гдѣ и представилъ гр. И. И. Воронцову-Дашкову.

V.

Раньше, чѣмъ рассказать содержаніе моей бесѣды въ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ, я долженъ сдѣлать большое отступленіе.

Въ ожиданіи аудіенціи, мы неоднократно обмѣнивались съ Н. К. Михайловскимъ мнѣніями о томъ—что мнѣ говорить, чего домогаться и къ чему клонить переговоры. Понятно, я не могъ руководствоваться при этомъ своими собственными убѣжденіями или пожеланіями, а долженъ былъ болѣе всего имѣть въ виду мнѣнія и требованія большинства тогдашней русской интеллигенціи и, въ особенности, ея передовой, боевой фаланги. Ужасъ моего положенія заключался въ полномъ несоотвѣтствіи ея программы съ моею. Издали, изъ Тифлиса, мнѣ не видать было многого. Судя по газетамъ, по прокламаціямъ и нелегальной прессѣ, по рѣчамъ на процессахъ и по страшнымъ жертвамъ „движенія“, казалось, что передовая русская интеллигенція политически созрѣла и сознательно домогается обновленія государственнаго строя,—замѣны самодержавія парламентаризмомъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе получилось при непосредственномъ знакомствѣ съ тою же интеллигенціею. По переѣздѣ въ столицу я, благодаря своей должности секретаря правленія Либаво-Роменской желѣзной дороги, встрѣчался съ массою всякаго рода интеллигенціи, отъ самыхъ зеленыхъ ея слоевъ, студенческихъ и курсистскихъ, до наиболѣе возвышенныхъ—профессорскихъ и литературныхъ. Не могу выразить разочарованія, въ которое я впалъ относительно политической подготовленности этой интеллигенціи. Всѣ, конечно, жаждали переменъ; всѣ были недовольны существующимъ строемъ и относились къ правительству съ безграничнымъ недоумѣніемъ и озлобленіемъ; всѣ вѣрили въ лучшее, свободное будущее. Но, за единичными исключеніями, никто не только не былъ подготовленъ къ разумнѣю—какихъ переменъ домогаться и какими путями, но даже не сознавалъ надобности задаваться этими вопросами и изучать ихъ. Не только заурядная публика, но и сами руководители партій и даже общественнаго мнѣнія были почти совершенно незнакомы съ элементарнѣйшими понятіями о существѣ политическихъ отношеній, о задачахъ управленія государствомъ. Никто изъ нихъ не зналъ, хотя-бы поверхностно, даже и исторіи политическаго развитія Европы. Обрывки свѣдѣній о нѣкоторыхъ моментахъ великой французской революціи и глубокая увѣренность, что преобразование государственнаго строя вездѣ должно происходить точно такимъ же образомъ, какъ во Франціи въ 1789—1793 гг., составляли альфу и омегу политическаго міросозерцанія массы нашихъ тогдашнихъ интеллигентовъ. Когда приходилось замѣчать, что политическій прогрессъ шель совершенно иными, разнохарактерными и своеобразными путями во всѣхъ другихъ государствахъ и даже въ самой Франціи, въ другія, болѣе близкія къ намъ времена ея исторіи,—вы натыкались на полное невѣдѣніе и нежеланіе вѣдать. Объяснялось это нежеланіе мнѣніемъ, будто политическія формы и нормы жизни, политическія устачовленія—вещи или вовсе призрачныя, или, во всякомъ случаѣ, далеко не существенныя. Суть же—въ социальномъ реформѣ, безъ

которой все трѣнь-трава. На вопросъ—да укажите хоть одинъ единственный примѣръ въ мірѣ, когда-бы не то что идеальное социальное устройство, а хоть минимумъ социальной справедливости былъ достигнутъ *раньше* наважденія прочной политической свободы, вы получали наивныя, младенческія отвѣты. Вездѣ на свѣтѣ политическое развитіе шло параллельно съ накопленіемъ реальныхъ интересовъ, которымъ естественно присуще стремленіе—защищать свои пріобрѣтенныя права и сознанное челоѣческое достоинство отъ посягательствъ насилія и произвола. Здѣсь же, въ тѣ времена, интересы игнорировались и презирались, какъ неотмѣченные печатью возвышенности. Сочувствіе, заботливость возбуждали одни лишь обездоленные, чьи положеніе и страданія, разумѣется, гораздо болѣе наглядны и понятны, чѣмъ нужды, болячки и опасности многообразныхъ интересовъ и предприятий, которыми живетъ страна и безъ правильной постановки которыхъ совершенно невозможно улучшить судьбу обездоленныхъ. Отсюда—разница въ характерѣ передовыхъ кружковъ и партій у насъ и за-границею. Здѣсь руководителями въ то время были люди, рѣшительно незнакомые съ реальною жизнью и съ ея важнѣйшими факторами, не вѣдавшіе ни финансовъ, ни техники, ни торговли, ни этнографіи страны. Про военное и морское дѣло и говорить нечего. Образование почти у всѣхъ было—когда было—только литературное, филологическое или юридическое (въ узко-аудебномъ смыслѣ). Заграницею-же, между тѣмъ, штабы и кадры всѣхъ политическихъ партій состоятъ изъ выдающихся дѣятелей всѣхъ специальностей. Тамъ отъ каждаго оратора, публициста, представителя, независимо отъ таланта, требуется очень серьезная энциклопедическая подготовка. Очерредныя задачи и дѣла партій слишкомъ жизненно-сложны и нуждаются въ напряженіи черезчуръ солидныхъ силъ и знаній, чтобы главарямъ можно было удержать вліяніе одними лишь общими фразами да отвлеченнымъ пареніемъ въ недостижимую высь. У насъ же тогда выдающіяся общественныя и даже литературныя положенія—чуть-ли не посты „властителей думъ“—занимали лица съ очень скудными знаніями, почти безъ всякаго образованія, все время задававшіе себѣ и обществу вопросы, пережеванные еще Жанъ-Жакомъ Руссо, а то и раньше. Досаднѣе всего было видѣть, что на такое изнурительное открываніе Америкъ невооруженнымъ глазомъ тратились крупныя силы и дарованія, чудные характеры, святые подвиги. Никогда не забуду обезнадеживающаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня, весной 1882 г., поѣздкою къ Глѣбу Успенскому. Онъ жилъ тогда въ деревнѣ близъ г. Чудова. Поѣхали мы къ нему условиться про адресъ, который хотѣли подать за подписью всѣхъ литераторовъ Александру Ш., въ пользу печати и политическихъ узниковъ. Были тутъ М. А. Антоновичъ, С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ и нѣкоторые другіе. Никто изъ насъ не задавался цѣлью—какъ сдѣлали-бъ европейцы—составить осуществимый планъ дѣйствій, при которомъ наличными силами и обстоятельствами возможно было-бы достигнуть наибольшихъ удобствъ для дальнѣйшаго развитія и прогресса. Всѣ взапуски другъ передъ другомъ гоиялись за химерами—а я могу пожелать больше и лучше! Изумленные, вѣчно недоумѣвавшіе глаза Глѣба Ивановича скорбно останавливались на говорившемъ.

— Ничего этого не нужно, твердилъ съѣмъ. Надѣнемъ фракы и

отправимся гурьбою къ Государю, вотъ какъ ходятъ къ нему мужики; бунемъ ему въ ноги, какъ мужики, и скажемъ: „Ваше Величество, ничего намъ не нужно! Только раскройте тюрьмы и выпустите всѣхъ на свободу, чтобъ солнышко всѣмъ сияло, чтобъ травушка росла!“ Вѣдь вы пойдете, Максимъ Алексѣевичъ? Вѣдь вы пойдете, Николай Константиновичъ?

— Вотъ какъ прочіе, а я-то отъ нихъ не отстаю, отвѣчалъ М. А. Антоновичъ.

— Мы пойдемъ, непременно пойдемъ, продолжалъ Глѣбъ Ивановичъ. Вѣдь мужики же ходятъ.—Надо по ихнему дѣйствовать.

— Вѣдь вы пойдете, Николай Яковлевичъ? саркастически дразнилъ меня М. А. Антоновичъ. А меня слезы душили. Нѣтъ, не имъ перестроить государство!

VI.

Мои совѣщанія съ Н. К. Михайловскимъ, передъ аудіенціею у гр. Воронцова-Дашкова, не могли, конечно, имѣть характера дѣйствительной двухсторонней выработки наилучшей платформы соглашенія: я поневолѣ долженъ былъ играть пассивную роль, стараясь лишь о томъ, какъ бы вѣрнѣе запомнить и выполнить даваемое мнѣ порученіе. Если Н. К. Михайловскій и совѣщался со мною, большею частью въ присутствіи С. Н. Кривенко, то только насчетъ того, пройдетъ или нѣтъ у правительства то либо другое требованіе, а вовсе не о томъ—какое требованіе предъявить или поддержать. Когда я выразилъ своимъ собесѣдникамъ изумленіе по поводу того, что отъ имени революціонеровъ, дѣйствовавшихъ подъ знаменемъ Народной Воли, предъявляются требованія узко-соціалистическаго характера, безъ политической подкладки, въпротивность знаменитому письму Исполнительнаго Комитета къ Александрѣ III по поводу 1-го марта 1881 г., Н. К. Михайловскій замѣтилъ мнѣ, что теперь настроеніе партіи менѣе приподнятое и она увѣрилась, что политическія реформы поведутъ къ упроченію во власти не народолюбцевъ, а только буржуазіи, что составитъ не прогрессъ, а регрессъ. Одно только требованіе успѣлъ я внушить Н. К. Михайловскому. Хотя условіе объ освобожденіи Н. Г. Чернышевскаго и было мною заранѣе предъявлено черезъ г. Бороздина и, по его словамъ, принято, какъ единственная мнѣ награда за труды, но я опасался, какъ бы потомъ это обѣщаніе не осталось невыполненнымъ. Поэтому я попросилъ Н. К. Михайловскаго уговорить членовъ Исполнительнаго Комитета внести освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго въ число тѣхъ требованій, которыя они намѣревались предъявить правительству. Я былъ увѣренъ, что данное партіи обѣщаніе было бы выполнено Правительствомъ вѣрнѣе, чѣмъ выговоренная мною себѣ награда.

Такимъ образомъ графу И. И. Воронцову-Дашкову я былъ вынужденъ представить не свою собственную программу дѣйствія, а только ту, какая мнѣ была продиктована, отъ имени революціонной партіи, Н. К. Михайловскимъ и С. Н. Кривенко. Я зналъ, что въ промежуткѣ между нашими совѣщаніями Н. К. Михайловскій самолично ѣздилъ на югъ, для личныхъ

переговоровъ съ членами Исполнительнаго Комитета *). Онъ собирался было сказать мнѣ куда ѣздилъ и съ кѣмъ видѣлся; но я остановилъ его просьбою—не посвящать меня ни въ какія тайны. Каюсь: со словъ моего знакомаго дѣльца я опасался, что меня, чего добраго, начнутъ пытать, требуя указанія главарей террора; а я не зналъ—смогу ли вынести муки и не выдать того, что мнѣ извѣстно.

Программа, которую я долженъ былъ проводить, заключалась въ приглашеніи правительства стать на путь соціальныхъ, вѣрнѣе, экономическихъ улучшеній народнаго быта, съ значительнымъ въ этомъ смыслѣ расширеніемъ сферы воздѣйствія печати и земскаго или общественнаго самоуправленія.

Отъ меня зависѣло одно: болѣе или менѣе толково изложить и поддерживать эту программу, не отступая отъ нея ни на шагъ. Не мнѣ судить, насколько я успѣлъ въ этомъ. Но мнѣ очень трудно было выполнять порученіе, самому мнѣ казавшееся одностороннимъ. Трудность моего положенія углублялась сознаніемъ подозрительности (чтобы не сказать больше) рекомендаціи г. Бороздина, открывшей мнѣ доступъ къ графу Воронцову-Дашкову.

VII.

Гр. Воронцовъ-Дашковъ принялъ и выслушалъ меня внимательно, но съ видомъ утомленнаго вельможи, которому все безконечно надоѣло, и которому нечего желать, не къ чему стремиться. Г. Бороздинъ ввелъ меня въ кабинетъ, представилъ графу и тотчасъ же, по его приказанію, покинулъ насъ. Въ дальнѣйшую комнату дверь была отперта, но занавѣшена тяжелою гардиной, которая по временамъ колыхалась. Г. Бороздинъ увѣрилъ меня, что тамъ сидѣлъ самъ Государь.

Я говорилъ часа два, по крайней мѣрѣ. Ниже я приведу, по записи того времени, важнѣйшіе отрывки изъ моей рѣчи. Главный мотивъ ея заключался въ варіаціяхъ на тему, которою я ее кончилъ: „Царь, искренно желающій блага своему народу и уже по верховному своему положенію не могущій имѣть никакихъ иныхъ, личныхъ или мелкихъ интересовъ, въ настоящее время вынужденъ направлять главную мощь Государства лишь противъ русской интеллигенціи, также никакихъ интересовъ, кромѣ служенія благу того же самаго народа, не имѣющей. Это—трагическое недоразумѣніе. Положивъ ему конецъ, Вы окажете незабвенную услугу своему Государю и его народу“.

Приведу теперь пространныя выдержки изъ своей рѣчи. Я началъ съ утвержденія, что смущавшее власть движеніе не искусственно вызвано, внушено не злымъ умысломъ. Оно—продуктъ времени, слѣдствіе накопленія недюжинныхъ силъ, не находящихъ себѣ правильного примѣненія, а встрѣчающихъ одно лишь тупое сопротивленіе. Эти юноши, беззавѣтно идущіе на всевозможныя жертвы, на вѣрную смерть, даже безъ

*) Въ своихъ воспоминаніяхъ Н. К. Михайловскій рассказываетъ по этому поводу, что онъ ѣздилъ тогда на свиданіе въ Харьковъ къ В. Н. Фигнеръ.

надежды на славу или память въ потомствѣ (извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ умирали, скрывъ свои имена), вовсе не злодѣи по натурѣ. Изъ такихъ элементовъ благоразумный правитель могъ бы вербовать перлоны героевъ, способныхъ покрыть славою государство. Такие силы и характеры грѣшно губить зря, ихъ надо изучить, привлечь къ себѣ и направить не во зло, а на благо родины. Достигнуть этого не невозможно. Подобные элементы присущи, въ большей или меньшей пропорціи, всякой эпохѣ и всякому обществу. Ихъ не мало было въ Россіи и въ прежнія времена. Между тѣмъ они нисколько не противодействовали, а помогали правительству въ тѣ эпохи, когда оно бывало прогрессивно, когда оно становилось само во главѣ движенія своего времени. Наоборотъ, всякій разъ, когда у насъ правительство становилось ретрограднымъ, когда оно чуралось науки и современной мысли, эти элементы обращались противъ него, и такъ или иначе, раньше или позже, все таки сперва обезсиливали, а потомъ и побѣждали его. Это неизбѣжный и непреодолимый законъ историческаго прогресса. Въ ученіяхъ, увлекающихъ нашу современную молодежь, въ началѣ по крайней мѣрѣ, не было ничего противуправительственнаго. Въ нихъ, напротивъ, все главное, все принципиальное вполне соответствовало истиннымъ выгодамъ честнаго и разумнаго правительства, какова-бы ни была форма послѣдняго—самодержавная, конституціонная или и вполнѣ республиканская. Не существуетъ никакихъ принципиальныхъ преградъ къ совершенно полному и искреннему примиренію или слитію этихъ социальныхъ ученій съ самодержавіемъ наиболее суровымъ и неуступчивымъ. Этихъ воззрѣній теперь держатся многіе; ихъ раздѣляютъ люди, ничего общаго съ революціонерами не имѣющіе, нисколько съ ними не солидарные. Можно даже сказать, что наврядъ-ли теперь гдѣ-либо, у насъ или за-границею, найдется мало-мальски образованный человѣкъ, который бы хоть отчасти, самъ того не подозрѣвая, не раздѣлялъ воззрѣній этого рода. Подобно тому какъ у Мольера Журданъ, разговаривая, не вѣдалъ, что говоритъ проповѣднику, громаднѣйшая часть современныхъ правителей, публицистовъ и законодательныхъ органовъ не подозрѣваетъ даже, что руководствуется идеями и внушеніями этого самаго „государственнаго социализма“. Переберите важнѣйшіе законодательные акты второй половины текущаго столѣтія, и вы не увидите въ нихъ рѣшительно ни одного нововведенія, ничего достойнаго вниманія, что еще съ начала вѣка не было-бы предложено основателями социальныхъ ученій и не было-бы тогда принято за „утопію“. Если-бъ наше правительство задалось цѣлью разобраться въ этихъ ученіяхъ, отдѣлить здорovia бредни, свойственныя всякому новому теченію, отъ массы здравыхъ и вполнѣ практичныхъ нововведеній, осуществленіе которыхъ возможно безъ всякаго „потрясенія основъ“, съ вѣщею пользою для улучшенія экономическихъ судебъ народа, а слѣдовательно и государства, то уже однимъ этимъ положено было-бы основаніе прочныхъ симпатій къ правительству со стороны молодежи, искренно любящей свой народъ и выше всего ставящей служеніе его благу. На это новое дѣло понадобились бы правительству и новые люди: вотъ средство дать работу и дѣятельность массѣ юношей, фантазирующихъ теперь, за неимѣніемъ живого и симпатичнаго дѣла. Страна наша изнемогаетъ въ когтяхъ всевозможныхъ хищниковъ и кулаковъ, обрадовавшихся тому, что правительству, обязанному сдерживать ихъ

всѣми инстинктами, просто некогда заниматься преслѣдованіемъ разныхъ хищниковъ, когда страна объята крамолою. Въ земствѣ, въ банкахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ городскихъ управленіяхъ, въ сельскомъ быту, словомъ чуть-ли не вездѣ и всюду, царитъ личный эгоизмъ, разоряющій народное и общественное хозяйство и хищнически транжирающій богатѣйшія силы народа изъ за того только, чтобы имѣть возможность присвоить ничтожную ихъ часть. Это похоже на случаи, когда мелкій ворюшка, съ нѣсколькими тысячами рублей, Развѣ наши сельскія, общественныя и земскія дѣла, а слѣдовательно и жизнь всей Россіи, не пошли бы въ тысячу разъ лучше, если бы правительство прямо задалось цѣлью привлечь къ земской и общественной дѣятельности силы безкорыстной и образованной молодежи, нѣмѣ безъ дѣла гибнущія по всему лицу русской земли? А развѣ много усилій потребовалось-бы для достиженія такой цѣли? Стоило-бы только усилить немножко значеніе нашихъ общественныхъ учреждений, да относиться не съ завѣятымъ подозрѣніемъ, а сочувственно, къ дѣятельности въ нихъ безкорыстныхъ слугъ общаго блага—а не личной наживы—и въ короткій промежутокъ времени нельзя-бъ было и узнать теперешнихъ нашихъ общественныхъ учреждений: такъ-бы онѣ измѣнились къ лучшему.

Вообще ужасно гибельное значеніе въ русской жизни имѣло то обстоятельство, что съ 1861—1862 гг. правительство съ чрезмѣрно-суровою подозрительностью отнеслось къ волненіямъ молодежи, вызваннымъ значительною частью ошибками и неумѣlostью администраціи, что оно, по нечастію, не оказалось тогда на желательной высотѣ, а сразу же, безъ дальнихъ размышленій, стало на путь каръ и устрашенія. Та систематическая недовѣрчивость, съ которою съ тѣхъ поръ правительство относится ко всему, что было молодо и страстно, увеличиваясь съ каждымъ годомъ и переходя постепенно въ озлобленіе, гоненіе и чуть-ли не въ повальное отлученіе молодежи отъ всякаго прикосновенія къ общественной жизни, не могла имѣть никакихъ иныхъ результатовъ, кромѣ ожесточенія этой молодежи и проявленія въ ней крамолы. Никакая сила въ мѣрѣ не можетъ вставаться въ бездѣйствіи; она въ себѣ самой носитъ потребность ея приложенія. Силамъ-же нашей молодежи не оставлено достаточнаго и почетнаго поля дѣйствія. И чѣмъ ограниченнѣе становилась ея сфера дѣятельности, тѣмъ сильнѣе и необузданнѣе въ ней самой дѣлались наиболѣе рѣзкіе и крайніе элементы ея, тѣмъ менѣе могли въ ней самой проявляться внушенія разума, принужденныя уступить мѣсто вліянію страсти и ожесточенія. Благоразумнѣйшіе, способнѣйшіе, опытнѣйшіе элементы нашей интеллигенціи, въ силу этого, все болѣе и болѣе принуждены были ступать и поникнуть головой, между тѣмъ какъ надъ молодыми поколѣніями брали верхъ люди и ученія, отличавшіеся одною только рѣзкостью отпора. Самое торжество анархическихъ и террористическихъ ученій обусловлено полицейскою травлею, доводящею до бѣшенства и экзальтаціи натуры вовсе не предрасположенныя къ крутымъ дѣйствіямъ. Если бы условія нашей политической жизни способствовали, какъ за-границею, примѣненію живыхъ силъ молодого поколѣнія къ работѣ надъ подъемомъ умственнаго и экономическаго положенія страны, если бы силы молодежи могли проявляться въ печати, въ общественныхъ собраніяхъ, учрежденіяхъ и т. п.

то соотношеніе, среди самой интеллигенціи, спокойныхъ и крайнихъ ея элементовъ и у насъ было бы столь-же нормальное, какъ и вездѣ, въ остальномъ цивилизованномъ мірѣ. Въ какихъ это странахъ надъ умами чуть-ли не всей интеллигенціи могутъ вліять и властвовать люди, обладающіе столь ничтожными умственными силами и столь ограниченнымъ развитіемъ, какъ Бакунинъ и Нечаевъ? Такіе люди рождаются, конечно, во всѣхъ странахъ, но вездѣ они не перестаютъ быть единицами, вліяющими развѣ на десятокъ приближенныхъ тупиць. На массу же молодежи такіе люди могутъ пріобрѣсти вліяніе только въ странахъ съ абсолютно задавленной политической жизнью, гдѣ взаимодействіе умовъ немислимо. вовсе, гдѣ затрудненъ и упраздненъ обмѣнъ мыслей, гдѣ происходитъ безпутная травля, во время которой отличатся можно не умомъ, а глоткой, не знаніями, а удалствомъ, не послѣдовательностью, а выходкой, трескомъ, скандаломъ.

Было-бы жестокою ошибкою думать, продолжалъ я, что современное настроеніе молодежи можетъ быть измѣнено либо дальнѣйшими репрессіями, съ ихъ усиленною градаціею, либо введеніемъ конституціонныхъ реформъ. Я убѣжденъ, что если-бъ чынѣшнія усилія правительства, исключительно на то направленныя, чтобы „вырвать съ корнемъ крамолу“, и увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ, если-бъ всѣ безъ исключенія террористы были розысканы, переловлены и повѣшены, то и тогда народились-бы, въ другихъ сферахъ и слояхъ, новыя и новыя поколѣнія революционеровъ, нисколько не болѣе безобидныя, чѣмъ теперешнія. Пока существуютъ въ нашей политической жизни условія, вызвавшія развитие крамолы, она неискоренима, и подобно гидрѣ будетъ давать новыя отпрыски и отростки. Тутъ несравненно скорѣе оскудѣетъ рука, рубящая головы гидры, чѣмъ сила, ихъ плодящая и питающая. Безъ сомнѣнія, будутъ передышки, будутъ періоды затишья; но я не думаю, чтобы ихъ не имѣлось основаній считать предвѣстниками еще болѣе сокрушительныхъ невзгодъ.

Съ другой стороны наврядъ ли поможетъ и введеніе у насъ конституціонныхъ порядковъ, по крайней мѣрѣ на первое время. Безспорно, если-бъ было возможно рассчитывать, что конституціонныя реформы поведутъ у насъ сразу же къ установленію и упроченію энергическаго правительства, сильнаго поддержкою сплоченнаго прогрессивнаго большинства, и если-бы такое правительство твердо стало во главѣ движенія, конституція навѣрное устранила бы существующія затрудненія и ихъ причины. Но рассчитывать на это врядъ-ли возможно. Скорѣе имѣются основанія думать, что конституціонный режимъ дастъ у насъ преобладаніе, на долгіе годы, узко-эгоистическимъ элементамъ русскаго общества: адвокатамъ, аферистамъ, кулачеству, вообще буржуазіи. Интеллигенція останется за флагомъ. Вслѣдствіе этого, существеннаго улучшенія положенія правительства и быта народа отъ конституціи ожидать *теперь-же* невозможно. Что касается правительства, скорѣе слѣдуетъ ожидать положительнаго ухудшенія его обстановки. Теперь, безъ конституціи, у него, по крайней мѣрѣ, руки развязаны, и оно, если-бъ хотѣло могло бы выбрать себѣ любой образъ дѣйствій, любую политику, не исключая и социалистической. Оно полновластно предпринимать все, что сочтетъ для себя полезнымъ, и противъ себя теперь видитъ лишь одну силу—прогрессивные элементы общества, и одинъ лишь затрудненія—необходимость устранить неблаго-

пріятныя стороны экономической жизни Россіи. Послѣ же конституціи передъ правительствомъ, наряду съ этимъ, возникнетъ и новая сила, съ которою необходимо будетъ ладить и считаться,—сила организованной и оперившейся буржуазіи, сознающей свое полновластіе, и существенно заинтересованной въ неприкосновенномъ сохраненіи современныхъ экономическихъ неправдъ, такъ тяжело отзывающихся на жизни народа. Между тѣмъ правительство будетъ уже обезсилено, лишено власти и инициативы, а прогрессивные элементы, въ борьбѣ съ которыми оно, при всемъ своемъ нынѣшнемъ полновластіи, оказывается далеко не всемогущимъ, останутся въ нынѣшнемъ же положеніи, ибо не найдутъ себѣ мѣста, ни простора, въ конституціонныхъ учрежденіяхъ. Вслѣдствіе всего этого, какія-бы отдаленныя блага ни принесла въ будущемъ конституція, немедленнаго и непосредственнаго облегченія теперешнихъ затрудненій отъ нея ожидать не слѣдуетъ. Конституціонными мѣрами вы наврядъ-ли заставите революционеровъ отречься отъ террористическихъ мѣропріятій, если только конституція нарочно въ томъ духѣ не будетъ составлена, чтобы обезпечить за интеллигенціею право широкаго участія въ представительныхъ учрежденіяхъ. Но конституціонно организованная буржуазія, вѣроятно, ее туда не пуститъ.

Выше конституціонныхъ реформъ, и даже выше обезпеченія свободы законной пропаганды, нынѣшняя наша молодежь поставила бы принятіе правительствомъ болѣе активнаго участія въ улучшеніи экономического быта народа. Господствующія на этотъ счетъ возрѣнія правительственныхъ лицъ безусловно ошибочны и основаны на непониманіи дѣйствительныхъ стремленій интеллигенціи. Она добивается вовсе не уничтоженія роли правительства въ государственной жизни, вовсе не упраздненія правительства, и даже не ослабленія его, а замѣны нынѣшняго правительства, по ея мнѣнію ничего не дѣлающаго для улучшенія судебъ народа, могущественнымъ правительствомъ, которое-бы взяло въ свои руки дѣло прогресса народной жизни. Народись у насъ сильное правительство, искренно задавшееся творческою работою надъ постепеннымъ осуществленіемъ возможныхъ улучшеній экономического строя Россіи, молодежь энтузіастически пошла бы за нимъ съ тою же беззаветною отвагой, съ которою теперь идетъ противъ нынѣшней вашей политики. Для достиженія такого результата нужны только перемѣны въ системѣ, въ политикѣ правительства, въ личномъ его составѣ. Перемѣны такія все равно неминуемы. Рано или поздно вы, и безъ всякаго воздѣйствія террора, принуждены будете ихъ произвести. Правительственная машина, пригодная для управления страню, находившеюся въ первобытномъ состояніи, уже недостаточна для страны, начинающей расти интенсивно. Россія нынѣшняго времени уже не та, что была при Екатеринѣ II или Николаѣ I. Взгляните, какую перемѣну въ ея жизни и положеніи внесли промышленность, желѣзныя дороги, печать и самоуправленіе. Вспомните, насколько усложнились функціи не только народной жизни, но и правительственной дѣятельности. Однообразный, мало-сложный строй жизни крѣпостнаго періода, для котораго и пригодна и достаточна была чиновничье-бюрократическая система управленія, смѣнился пѣ насъ многостороннимъ, до необычайности требовательнымъ строемъ промышленной эпохи, плодящей массу разнородныхъ интересовъ и перепутанныхъ отношеній, съ которыми канцеляріямъ нашимъ и нашимъ админи-

страторамъ, взрожденнымъ въ казармахъ да въ департаментахъ, уже непосильно справляться. Такъ, для передвиженія произведеній крѣпостной Россіи вполне достаточно было воловъ да фуръ; а для производительныхъ силъ современной Россіи необходимы пароходы да желѣзныя дороги, безъ которыхъ она не выдержала-бы борьбы за существованіе. Наше несчастье въ томъ и заключается, что внутренняя, умственная и творческая сила правительства, долженствующаго руководить жизнью Россіи, росла и увеличивалась далеко не пропорціонально съ развитіемъ умственныхъ силъ нашего общества, которое переросло свое правительство, поднялось выше его уровня и, въ среднемъ, знаетъ больше и лучше, чѣмъ средній нашъ администраторъ, застывшій на прадѣдовской формулѣ канцелярскихъ отписокъ и отношеній. Вотъ что вынудить правительство сложить оружіе передъ естественнымъ ростомъ народнаго организма, вотъ что узаконить у насъ конституцію въ очень неотдаленномъ будущемъ, даже и безъ всякаго вліянія нашихъ революціонеровъ, даже и тогда, если-бы ихъ и вовсе не существовало. Отдалить этотъ моментъ возможно лишь поднятіемъ уровня правительственной мысли, усиленіемъ его умственнаго и нравственнаго авторитета, единственнымъ средствомъ къ чему служить, конечно, привлеченіе къ правительству лучшихъ умственныхъ силъ Россіи; введеніе въ правительственныя сферы лучшихъ научныхъ, промышленныхъ и общественныхъ дѣятелей, заслужившихъ себѣ имя и довѣріе въ русскомъ обществѣ*). Въ странѣ, начавшей жить умственною и промышленною жизнью, въ странѣ, въ которой возникли крупные интересы и реальные вопросы, немисливо существованіе правительства, если послѣднее не имѣетъ прямого вліянія на умы современнаго ему общества. А такое вліяніе приобретается, увы, далеко не одними приказами о назначеніи на выдающіеся посты никому невѣдомыхъ личностей, хотя-бы и титулованныхъ. Вотъ почему, и опять таки помимо заботъ о прекращеніи крамолы, волею-неволею, рано или поздно, придется обновить и улучшить личный составъ правительства, исключительно въ интересахъ усиленія его престижа и дѣятельности, если только правительство желаетъ, чтобы оно de facto, а не на бумагѣ только, стояло во главѣ своего народа и дѣйствительно, а не фактивно, руководило его судьбами.

Правительству, способному понимать духъ и требованія своего времени и дѣйствительныя потребности своего народа, вовсе нетрудно распознать, что нигдѣ въ мірѣ не имѣется столь легкой возможности справиться съ текущими затрудненіями управленія, какъ въ Россіи. Въ странѣ, народная жизнь которой окрѣпла на почвѣ общины и артели, и интеллигенція которой считаетъ фетишами эти основы экономическаго быта Россіи, не трудно вызвать и упрочить единодушіе между стремленіями власти, народа, интеллигенціи и умѣлымъ примѣненіемъ улучшенныхъ формъ артели и общины произвести замѣтное улучшеніе въ быту народа. Въ виду несомнѣнной

*) Черезъ четыре года послѣ этого разговора въ правительство введенъ былъ „новый элементъ“, въ лицѣ И. А. Вышнеградскаго. За этимъ прорывомъ плотины пошли С. Ю. Витте и другіе, съ А. Д. Протопоповымъ во хвостѣ. Новый элементъ оказался не тѣмъ, о которомъ мы думали.

Новое прим.

плодотворности такой программы, способной удовлетворить молодежь и дать полезное примѣненіе ея силамъ, правительство, безъ всякаго опасенія показаться уступчивымъ, могло бы принять мѣры къ заживленію жгучихъ ранъ, служащихъ слѣдствіемъ прежнихъ недоразумѣній, и способныхъ вліять на продленіе существующихъ затрудненій. Оно могло бы воспользоваться предстоящею коронаціею и широкимъ, почти безграничнымъ, примѣненіемъ священнаго права помилованія, успокоить страданія не одной тысячи русскихъ семействъ. Предоставленіемъ обществу свободы высказыванія своихъ убѣжденій въ печати и собраніяхъ, въ законѣ ограниченныхъ предѣлахъ, кореннымъ образомъ устранена была бы причинность террористическихъ явленій. Тогда вся творческая работа правительства могла бы оказаться застрахованною отъ неожиданностей, могла-бы развиваться спокойно. Конечно, нельзя ожидать магическаго излеченія болячекъ, вызванныхъ десятками лѣтъ ошибокъ. Нѣтъ сомнѣній, и послѣ радикальнаго поворота въ образѣ дѣйствій правительства и въ настроеніи интеллигенціи, все таки останутся единичныя личности, неисправимо ожесточенныя и недоступныя внушеніямъ разума. Но такія единицы тогда потеряютъ удобную почву, лишатся поддержки нынѣ имъ благопріятствующей среды. Онѣ будутъ локализованы, если можно такъ выразиться, и изъ эпидемическаго зла превратятся въ зло спорадическое, съ которымъ не трудно будетъ справиться исключительно полицейскими мѣрами, нынѣ безусловно недостаточными въ борьбѣ со стихійною силою движенія.

VIII.

На всѣ эти разсужденія гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ не далъ мнѣ, въ сущности, никакого опредѣлительнаго отвѣта. Онъ мнѣ не сказалъ ни „да“, ни „нѣтъ“. Не могу же я считать доказательствомъ его согласія на мои слова весьма внимательнаго его отношенія къ моимъ рѣчамъ, да двухъ-трехъ сочувственныхъ фразъ, въ родѣ той, на примѣръ, что „вотъ, и Бисмаркъ выразился, что если-бы русское правительство сумѣло привлечь къ себѣ содѣйствіе социалистовъ, ставъ на социалистическій путь, оно превратилось бы въ непобѣдимѣйшее изъ всѣхъ правительствъ Европы“. Въ сущности же гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ особенно интересовался узнать, насколько дѣйствительно имѣется основаній предполагать, что подобными мѣрами можно обезоружить революціонеровъ? Онъ обѣщалъ мнѣ обдумать мои слова, сообразиться съ общимъ положеніемъ и, при слѣдующемъ свиданіи, высказать мнѣ свое рѣшеніе.

Прошло немало недѣль, раньше чѣмъ я былъ приглашенъ на новое свиданіе. Въ промежуткѣ г. Бороздинъ чуть ли не ежедневно видѣлся со мною, для большей осторожности назначая мнѣ свиданія въ отдѣльных кабинетахъ пышныхъ ресторановъ. Онъ увѣрялъ меня, что часто видится „съ графомъ“, что дѣло идетъ отлично, что отсрочка вызвана необходимою переговорить съ Государемъ, затруднительностью удостоиться отъ него окончательнаго рѣшенія и т. д. „Есть масса вещей, говорилъ мнѣ г. Бороздинъ, которыхъ гр. Воронцовъ-Дашковъ никогда не рѣшится прямо сказать вамъ: это неловко было бы сдѣлать. Объ этихъ вещахъ вы или сами должны догадываться, или можете справляться черезъ меня. Къ числу

и расширение сферы земского самоуправления могут побудить революционеров отказаться от террористических выходовъ, вполне возможно рассчитывать, что правительство охотно согласится принять эти мѣры, если только до коронаціи не произойдетъ никакихъ новыхъ преступленій. Специально относительно этого послѣдняго обстоятельства гр. Воронцовъ-Дашковъ просилъ меня употребить всевозможныя средства убѣжденія, чтобы отговорить революционеровъ отъ попытокъ подобнаго рода. Подумайте только, тутъ вѣдь будутъ представители державъ всего свѣта, и Россіи никогда не смыть позора ихъ оскорбленія.

Изъявляя готовность выполнить всѣ эти порученія, я лично гр. Воронцову-Дашкову высказалъ условія, указанныя мною г. Бороздину: о томъ, во 1-хъ, что поѣздку я совершу на свой собственный счетъ, и во 2-хъ, что единственнымъ вознагражденіемъ своихъ хлопотъ по этому дѣлу, каковы-бы ни были его конечные результаты, я требую освобожденія Н. Г. Чернышевскаго. Гр. Воронцовъ-Дашковъ заявилъ мнѣ, что онъ на это согласенъ и что онъ считаетъ себя въ правѣ обѣщать мнѣ выполнение этого условія.

Я готовился уже уѣхать за границу, когда г. Бороздинъ заявилъ мнѣ, что гр. Воронцовъ-Дашковъ еще разъ желаетъ свидѣться со мною. Въ поясненіе этого желанія г. Бороздинъ разсказалъ, что графъ съ неизменно нелюбимымъ ожидаетъ результатовъ моей поѣздки и потому желалъ-бы получать о ходѣ переговоровъ и о всякихъ фазисахъ дѣла немедленныя извѣстія, дабы сообразно съ тѣмъ дѣйствовать здѣсь, въ правительствѣ. Къ тому же не трудно предвидѣть, что и мнѣ самому понадобится получать отъ гр. Воронцова-Дашкова указанія и разъясненія, въ случаѣ если революционеры коснутся такихъ сторонъ и вопросовъ, относительно которыхъ не было рѣчи между мною и гр. Воронцовымъ-Дашковымъ. Между тѣмъ установить между мною и графомъ непосредственныя сношенія, по почтѣ или по телеграфу, было бы крайне неловко. Тайна переговоровъ могла-бы всплыть для непосвященныхъ, для особъ, противодѣйствующихъ подобному дѣлу. Имѣется, конечно, средство помочь горю: если-бъ за-границею, у меня подъ рукою, имѣлся г. Бороздинъ, располагающій возможностью корреспондировать съ графомъ. Тогда гр. Воронцовъ-Дашковъ получалъ-бы своевременно извѣстія объ успѣхахъ дѣла, а я постоянно-бы зналъ, чѣмъ руководствоваться, что обѣщать и чего не обѣщать. Но графъ Воронцовъ-Дашковъ, изъ деликатности, не рѣшается меня просить взять съ собою г. Бороздина, опасаясь, что я могу принять такую просьбу въ дурную сторону. Вслѣдствіе всего этого г. Бороздинъ совѣтовалъ мнѣ вывести гр. Воронцова-Дашкова изъ затрудненія, предложивъ ему, по моей яко-бы инициативѣ, чтобы онъ, въ видахъ могущей встѣпиться надобности разъяснить возникающія недоумѣнія, далъ мнѣ въ придачу г. Бороздина. Я не встрѣтилъ затрудненій въ исполненіи этой просьбы. Единственнымъ неудобствомъ этого новаго осложненія я считалъ только то, что г. Бороздинъ можетъ возбудить подозрѣніе революционеровъ, а можетъ быть и самъ постарается слѣдить за ними изъ-за моей спины. Но я зналъ, что не увижу никого, кромѣ окончательно скомпрометированныхъ лицъ, за которыми и безъ того слѣдятъ днемъ и ночью. Поэтому, поставивъ лично г. Бороздину условіемъ, что онъ поѣдетъ и вернется отдѣльно отъ

меня, что онъ не будетъ сопровождать меня въ разъѣздахъ, а все время будетъ сидѣть въ Парижѣ, въ отдѣльной гостиницѣ, я согласился слѣлать гр. Воронцову-Дашкову предлагаемое заявленіе. Въ заботахъ о собственной уже чести, я обязанъ былъ принять всевозможныя мѣры, чтобы такъ сказать „дипломатическая“ миссія моя не превратилась въ сыскное порученіе. Меня просили быть посредникомъ; поэтому въ интересахъ дѣла и своей чести я никому не могъ позволить извратить характеръ моего отношенія къ дѣлу. Все это я наичестнѣйшимъ образомъ объяснялъ—и не разъ—г. Бороздину, все это я высказалъ и гр. Воронцову-Дашкову, почему и считалъ себя въ правѣ, и имѣлъ разрѣшеніе, дѣйствовать какъ хочу, никому не отдавая отчета въ своихъ шагахъ и сношеніяхъ, не называя личностей, а выясняя лишь сущность рѣшеній, на которыхъ основывается революціонная партія.

Необходимость взять съ собою г. Бороздина заставила меня оторвать свой выѣздъ за границу. Денежныя средства мои ограничены, а теперь, къ суммѣ, потребной на мою поѣздку, приходилось прибавлять и средства для путешествія г. Бороздина. Не имѣя возможности достать денегъ какимъ либо инымъ путемъ, я рѣшился бросить мѣсто, которое занималъ въ Правленіи Общества Либаво-роменской ж. дороги. Этимъ ходомъ я получалъ сразу 1000 руб. выходныхъ денегъ. Изъ этихъ денегъ я болѣе половины выдалъ г. Бороздину, на расходы его путешествія.

Съ Н. К. Михайловскимъ мы условились такъ, что С. Н. Кривенко дастъ мнѣ рекомендательное письмо къ Л. А. Тихомирову, въ Женеву, и его адресъ. Письмо же съ дѣйствительными указаніями партіи какъ меня принять и что мнѣ отвѣчать—будетъ-де послано ему особо, конспиративными путями.

IX.

Наконецъ я уѣхалъ, условившись съ г. Бороздинымъ, что встрѣчусь съ нимъ въ Парижѣ. Я поѣхалъ сперва въ Женеву, гдѣ, разыскавъ Л. А. Тихомирова, объяснилъ ему положеніе дѣла совершенно такимъ же образомъ, какъ и Н. К. Михайловскому. При этомъ я, уже отъ себя, началъ ему высказывать въ Женевѣ и потомъ въ Парижѣ, что ели-бъ главари русской интеллигенціи стояли на высотѣ своего положенія и представляли собою людей съ истинно-государственнымъ умомъ, то должны были бы, наконецъ, подумать о томъ, соответствуютъ ли жертвы, ею приносимыя, не только достигнутымъ, но и ожидаемымъ результатамъ. Если-бы всѣ тѣ богатыя и великія силы, которыя загублены у насъ съ 1861 года, умѣло и разумно были направлены на упорядоченіе нашихъ сельскихъ, земскихъ и общественныхъ дѣлъ и если-бы вмѣсто того, чтобы заваривать непосильную борьбу съ правительствомъ, борьбу бесплодно сгубившую сотни тысячъ лучшихъ сыновъ Россіи и затормозившую дѣятельность всего остального общества, русская прогрессистская партія дѣйствовала планомѣрно, не затрагивая, пока, политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, на почвѣ улучшенія экономическихъ отношеній, умѣло выеяняя правительству, насколько такая дѣятельность для послѣдняго безвредна и даже полезна, то развѣ сегодня мы находились бы въ положеніи одинаково тяжеломъ какъ для

партіи, такъ для правительства и, въ особенности, самого народа? Не зумѣвши взяться за очередныя задачи жизни, не приведя предварительно своихъ цѣлей и дѣятельности въ соотвѣтствіе съ своими силами, прогрессивная партія подражательно бросилась въ нелѣпую борьбу съ Богомъ, Царемъ и Капиталомъ, когда у нея не было средствъ справиться въ отдѣльности даже и съ одною изъ этихъ силъ. Далѣе я развивалъ ту-же теорію, которую высказывалъ и Кобозеву— „безпроигрышной борьбы“, т. е. накопленія и организации силъ, въ кадрахъ общественныхъ учреждений, къ неизбежному дню новаго Севастополя, новой Садовы¹⁾. Къ чему растративать драгоценныя силы на ничтожные результаты: солидная партія къ заговорамъ и подпольнымъ дѣйствіямъ не прибѣгаютъ; это—удѣлъ ничтожнаго, хоть и энергичнаго меньшинства, но все-же меньшинства, никакого реального вліянія на массы не имѣющаго.

Г. Тихомировъ показался мнѣ человѣкомъ недожизненнымъ, но подломленнымъ, надорваннымъ. На мои замѣчанія онъ отвѣтилъ, что жизнь не слагается по заранѣе предзаданнымъ планамъ, а идетъ такъ, какъ можетъ итти при данномъ сочетаніи силъ и обстоятельствъ. Особенно талантливо развилъ Л. А. Тихомировъ мысль, что преобладаніе въ молодежи тѣхъ либо другихъ возрѣній, той или другой политической системы зависитъ не столько отъ внушеній и указаній главарей, сколько отъ настроенія и, особенно, ощущенія самой молодежи. А это настроеніе всецѣло вызывается поведеніемъ и мѣропріятіями правительства. Совѣты популярнѣйшаго изъ насъ, главарей, не будутъ восприняты молодежью, травимую правительствомъ, если только мы не предложимъ пріемовъ, соотвѣтствующихъ ея настроенію. Не мы ее, а она насъ толкаетъ на терроръ. Вотъ, мы временно пріостановились, а между тѣмъ отовсюду изъ кружковъ молодежи получаютъ упреки въ бездѣйствіи, отъ которыхъ всего одинъ шагъ до рѣшенія, что мы отстали. Въ результатѣ получится торжество главарей еще болѣе безразсудныхъ, чѣмъ мы. Вы судите со стороны, не всматриваясь въ подробности, примѣчая лишь крупныя проявленія. Но если-бъ вы, подобно намъ, стояли у дѣла, вы поняли бы, что оно разрослось и приняло нынѣшніе размѣры естественно, безъ обдуманнаго съ нашей стороны намѣренія. Если-бъ мы предвидѣли, что затѣваемъ такую крупную борьбу, что въ ней у насъ будутъ такія средства, что къ намъ примкнетъ такое количество юношей, то, разумѣется, мы иначе распорядились бы и съ собою, и съ этими силами. Но мы были кучкою, задавшеюся исключительно скром-

¹⁾ Эту основную мысль мы съ покойнымъ Л. И. Мечниковымъ даже въ стихахъ изложили въ 1868 г., въ одномъ изъ №№ «Современности», издававшейся нами въ Женевѣ:

Да, Севастополь и Садова
Источникъ блага въ наши дни:
Странѣ, къ реформамъ не готовой,
Даютъ въ моментъ созрѣть они,
И будятъ въ сердцѣ Властелина
Сознанье долга гражданина и т. д.

Подъ именемъ битвы подъ Садовой во французской печати извѣстно сраженіе при Кенигрецѣ, въ которомъ прусская армія, руководимая Мольтке, 3 іюля 1866 г. одержала рѣшительную побѣду надъ австрійскою, бывшею подъ предводительствомъ Бенедекка. Съ тѣхъ поръ Австрія ввела у себя парламентаризмъ и вошла въ компромисъ съ Венгріей.

ными и, казалось, посильными цѣлями мирной пропаганды. Насъ начали травить. Въ видахъ личной безопасности мы принялись хитрить. Пошли ожесточенныя преслѣдованія. Возникло „вооруженное сопротивление“ арестамъ, а затѣмъ ссылки, казни, покушенія, подкопы, убійства. Чѣмъ круче становилось, тѣмъ обильнѣе былъ притокъ свѣжихъ силъ, ожесточенныхъ властью. Борьба народила тѣ самыя силы, которыя она же и поглотила. Разумѣется, это не оправданіе. Мы дѣйствуемъ вовсе не изъ принципа „борьба для борьбы“. Это не менѣе нелѣпо, какъ и „искусство для искусства“. Мы охотно бы отказались отъ борьбы, что намъ въ ней. Но не въ нашей власти ее прервать. Это могло бы сдѣлать только правительство. Мы ему это и предложили, послѣ 1-го марта, въ письмѣ къ новому Императору. Но сами знаете, что этимъ вовсе не воспользовались. Много мы думали, много и теперь думаемъ о томъ, какъ бы прекратить борьбу, но, повторяю, это не въ нашей власти, а всецѣло во власти правительства. Пусть оно хоть одинъ шагъ сдѣлаетъ, пусть оно задастся, въ какой угодно формѣ, цѣлью умиротворить положеніе; тогда оно увидитъ, противодѣйствіе или поддержку съ нашей стороны встрѣтитъ подобная политика?

Я отвѣтилъ г. Тихомирову, что правительство, въ свою очередь, въ значительной степени находится въ такомъ же положеніи, какъ и главари революціонной партіи. И оно обязано сообразоваться съ настроеніемъ Россіи, Главари должны были бы облегчить ему возможность измѣнить его отношеніе къ дѣлу и т. п. Я сказалъ, кромѣ того, что правительство у насъ, какъ извѣстно, всегда имѣетъ нѣсколько теченій. Въ немъ, навѣрное, существуютъ люди, склонные одни къ репрессіямъ, другіе къ милосердію и уступкамъ. Торжество тѣхъ или другихъ тоже зависитъ отъ образа дѣйствій революціонеровъ. Поэтому послѣднимъ не мѣшало бы войти въ соглашеніе съ нейтральными элементами общества, и чрезъ ихъ посредство пропагандировать въ правительственныхъ сферахъ возможность умиротворенія, въ случаѣ если правительство пожелаетъ стать на путь мирнаго развитія.

Всѣхъ разговоровъ съ Л. А. Тихомировымъ тутъ незначѣмъ приводить. По уговору моему съ Н. К. Михайловскимъ, г. Тихомировъ долженъ былъ сказать мнѣ, что спишется и свидѣтся съ вліятельнѣйшими главарями своей партіи, созоветъ ихъ съѣздъ (для пущей важности мы ему дали названіе „конгресса“), выяснитъ себѣ его настроеніе, заручится его полномочіемъ и затѣмъ сообщить мнѣ минимумъ тѣхъ требованій, удовлетвореніе которыхъ правительствомъ обязывало-бы революціонную партію отречься отъ системы террора. При этомъ я, разумѣется, разъяснилъ Л. А. Тихомирову, что возможности серьезнаго примиренія или измѣненія правительственной политики я не вѣрю, но вполне увѣренъ, что правительство, живущее только изо-дня въ день и всегда думающее только о ближайшихъ своихъ нуждахъ, готово будетъ сдѣлать кое какія уступки, лишь-бы обезпечить неприкосновенность предстоящей коронаціи. На этомъ мы разстались съ г. Тихомировымъ. Я уѣхалъ въ Парижъ, ждаты тамъ его пріѣзда, который долженъ былъ состояться недѣли черезъ двѣ, три. Въ Женевѣ я не оставался и сутокъ.

Черезъ три недѣли, около половины декабря 1882 г., Л. А. Тихомировъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Парижъ. Какъ и было обѣщано мнѣ въ Петербургѣ Н. К. Михайловскимъ, г. Тихомировъ привезъ мнѣ, отъ имени конгресса

русской социаль-революционной партіи, заявленіе, что если правительство дозволить въ русскомъ обществѣ мирную пропаганду социальныхъ воззрѣній, хотя-бы въ той скромной мѣрѣ, и въ тѣхъ узкихъ границахъ, въ какихъ это дозволительно въ современной Германіи, и если, кромѣ того, оно даруетъ амністію и нѣкоторое облегченіе общественной дѣятельности для интеллигенціи (въ печати, земствѣ и т. п.), то революціонная партія обязется прекратить террористическую дѣятельность и упразднить себя какъ партію противоправительственную. Если же, сверхъ того, правительство пожелаетъ взять въ свои руки проведеніе и осуществленіе социальныхъ реформъ, улучшающихъ аграрный и экономическій бытъ народа, то названная партія отъ всей души искренно пойдетъ за правительствомъ и всѣми своими средствами, всею энергіею своихъ членовъ постарается содѣйствовать наилучшему выполненію такого рода правительственныхъ задачъ.

Такова была основная мысль предложенія. Что же касается до обязательства не производить никакого покушенія до и во время коронаціи, то оно обуславливалось двумя требованіями: 1) чтобы Государь послалъ доверенное лицо для разслѣдованія вопіющихъ несправедливостей, причиненныхъ въ Карѣ политическимъ ссыльнымъ; и 2) чтобы освобожденъ и возвращенъ былъ на родину писатель Н. Г. Чернышевскій.

Собственноручную записку Л. А. Тихомирова, резюмировавшую эти предложенія и обязательства, я лично передалъ гр. Воронцову-Дашкову, по возвращеніи въ Петербургъ, въ послѣднихъ числахъ декабря 1882 года.

Между тѣмъ г. Бороздинъ почти безвыходно сидѣлъ въ Парижѣ, въ „Grand Hotel“, призывая меня къ себѣ едва-ли не только за тѣмъ, чтобы жаловаться на дороговизну этой гостинницы, имъ же самимъ выбранной, и просить у меня денегъ на расходы. Я ихъ ему давалъ, сколько могъ, стѣсняя себя елико было возможно. Самъ же я мерзъ въ убогой гостинницѣ улицы Дону.

Въ Петербургъ я вернулся раньше г. Бороздина: мнѣ нужно было до-стать здѣсь деньги, чтобы перевести ихъ ему въ Парижъ на возвратный путь. Въ бумагахъ моихъ сохранилась квитанція Петербургскаго Агентства „Crédit Lyonnais“ въ переводѣ отъ меня въ Парижъ, г. Бороздину, 24 декабря 1882 г. (5 января 1883 г.) 300 рублей (738 франковъ), для расплаты съ гостинницею и для возврата въ Россію.

X.

Въ Петербургѣ я засталъ большія переменны. Прежде всего я узналъ, что Н. К. Михайловскій высланъ въ Выборгъ, вмѣстѣ съ Н. В. Шелгуновымъ, за рѣчи, которыя они произнесли на вечеринкѣ студентовъ Технологическаго Института. Понятно, я не могъ поѣхать къ нему: это значило-бы обратить на него специальное вниманіе гр. Д. А. Толстого, агенты котораго несомнѣнно должны были въ то время по-пятамъ слѣдить за моими разѣздами. Но все, что нужно было, я сообщалъ ему подробно черезъ С. Н. Кривенку, навѣщавшаго его въ изгнаніи довольно часто, и передаващаго мнѣ, что Н. К. Михайловскій, уѣзжая изъ Петербурга, просилъ меня принять на себя веденіе отдѣла „Новыя книги“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и вообще писать почаще для журнала.

Затѣмъ С. Е. Палашковскій сообщилъ мнѣ, что глухая борьба при Дворѣ

между графами Д. А. Толстымъ и И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ кончилась полнымъ разгромомъ послѣдняго. Его „Священная Дружина“ распущена и ему самому запрещено вмѣшиваться въ политику. Знай-де себѣ только дѣла по управленію Дворомъ.

Какъ только я представился гр. И. И. Воронцову-Дашкову, онъ встрѣтилъ меня заявленіемъ, что надежды и расчеты его разрушились: положеніе дѣлъ въ Петербургѣ измѣнилось на столько, что ему наврядъ-ли теперь удастся хоть что-нибудь сдѣлать въ смыслѣ прежнихъ предположеній. Онъ просилъ меня немедленно-же увѣдомить объ этомъ г. Тихомирова и сообщить ему, что онъ и его товарищи, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, вольны считать себя свободными отъ всякаго уговора и поступать по своему усмотрѣнію. Письмо съ этимъ категорическимъ „оставь надежду“ я въ тотъ же день отправилъ по почтѣ къ Л. А. Тихомирову, по данному имъ мнѣ конспиративному адресу. Не знаю, дошло-ли оно до него или было на пути перехвачено полиціею. Для дальнѣйшихъ же переговоровъ, относительно исполненія данныхъ мнѣ обѣщаній, гр. Воронцовъ-Дашковъ просилъ меня свидѣться съ флигель-адъютантомъ гр. П. П. Шуваловымъ, которому поручены ходы по выполненію этихъ обѣщаній. Онъ условится со мною, что дальше дѣлать.

При первомъ же свиданіи моемъ съ гр. Шуваловымъ этотъ послѣдній объяснилъ мнѣ, что въ настоящее время шансы гр. Воронцова-Дашкова значительно пали. Настроеніе при Дворѣ со времени моего отъѣзда внезапно переименулось. Вліяніе гр. Д. А. Толстого упрочилось и „Дружина“, на которую опирался гр. Воронцовъ-Дашковъ, упразднена. Надѣяться, поэтому, на измѣненіе правительственной программы и на осуществленіе прежнихъ предположеній уже не слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе относительно данныхъ вамъ (т. е. мнѣ) обѣщаній графа Воронцова-Дашкова будетъ сдѣлано все возможное для ихъ осуществленія. Онъ обѣщаль вамъ освобожденіе Чернышевскаго: это придется, къ сожалѣнію, отложить до коронаціи, хотя попытаемся что-нибудь сдѣлать и раньше. Что же касается до обязательства дать вамъ возможность приобрести ежедневную газету...

Я вскочилъ съ мѣста.—Такого обязательства, перебилъ я гр. Шувалова, гр. Воронцовъ-Дашковъ мнѣ никогда не давалъ: у насъ объ этомъ и рѣчи не было, да и не могло быть!

Гр. Шуваловъ тогда пояснилъ мнѣ, что г. Бороздинъ увѣрилъ гр. Воронцова-Дашкова, будто я, за услуги свои, требую разрѣшенія мнѣ издавать газету и выдачи мнѣ (должно полагать, черезъ г. Бороздина и безъ росписокъ) 300.000 рублей.

Когда я выяснилъ гр. Шувалову, что это—наглый обманъ со стороны г. Бороздина, что я и не думалъ никогда ставить такихъ гнусныхъ условій, то гр. Шуваловъ очень серьезно спросилъ меня: изъ за чего-же и ради какой личной выгоды дѣйствовалъ я? Пожавъ плечами, я отвѣтилъ, что знаю въ Россіи массу людей, которые не только безкорыстно посодѣйствовали бы такому дѣлу, если-бъ надѣялись на возможность умиротворенія, но и готовы были бы отдать ему послѣднюю каплю своей крови.

Гр. Шуваловъ не скривалъ отъ меня своего разочарованія относительно революціонной партіи. Онъ находилъ, что она упустила рѣдчайшій случай водворить въ Россіи парламентное правительство. Для этого надо было,

по его мнѣнію, не сходить съ точки зрѣнія письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III по поводу 1 марта. Общія мѣста и туманныя требованія этого письма надлежало предъявить въ болѣе конкретной дѣловой формѣ параграфовъ конституціи. Переходя къ представленнымъ требованіямъ — „ce sont des misères“ — онъ заявилъ мнѣ, что гр. Воронцовъ-Дашковъ уже добился повелѣнія Государя отправить на Кару флигель-адъютанта барона Нольде. Для освобожденія же Чернышевскаго требуется подача всеподданнѣйшаго прошенія его дѣтьми и обожданіе коронаціоннаго манифеста.

Было ясно: давался авансъ — разслѣдованіе карійскихъ неурядицъ; — освобожденіе же Н. Г. Чернышевскаго приберегалось въ награду за хорошее поведеніе партіи во время коронаціи.

По поводу общаго замѣчанія гр. Шувалова о томъ, что слѣдовало требовать только конституціи, я сказалъ ему, что вполне раздѣляю его мнѣніе; но дѣло-то не въ нашихъ воззрѣніяхъ, а въ требованіяхъ партіи, которая иначе смотритъ на положеніе. Гр. Шуваловъ увѣрялъ, что узко-соціалистическая программа требованій террористовъ глубоко огорчила не его одного, а гр. Воронцова-Дашкова и всѣхъ разумныхъ людей ихъ круга.

Вскорѣ послѣ этого гр. Шуваловъ, пригласивъ меня къ себѣ, рассказалъ мнѣ, что г. Бороздинъ прислалъ гр. Воронцову-Дашкову изъ Парижа донесеніе, будто я, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, войду здѣсь, по соглашенію съ заграничными главарями революціонеровъ и по ихъ порученію, въ сношенія съ проживающими въ Россіи наикрупнѣйшими руководителями террористовъ. Въ числѣ трехъ именъ такихъ «руководителей» обозначенныхъ въ донесеніи г. Бороздина, стояла фамилія московскаго профессора В. А. Гольцева. Гр. Шуваловъ просилъ меня разъяснить ему — съ моихъ-ли словъ сообщилъ эти свѣдѣнія г. Бороздинъ?

Я объяснилъ по этому поводу, что если-бъ мнѣ дѣйствительно и понадобилось свидѣться здѣсь, въ интересахъ порученнаго мнѣ дѣла, съ здѣшними главарями террористовъ, то, само собою разумѣется, ни г. Бороздину, ни гр. Воронцову-Дашкову я не называлъ-бы ничьихъ именъ, а постарался бы повидаться съ нужными мнѣ личностями, соблюдая величайшія противуполицейскія мѣры предосторожности. Но ничего подобнаго въ виду не имѣлось, и никакихъ лицъ или именъ мнѣ никто не указывалъ. Слѣдовательно и я ничего подобнаго не могъ передавать г. Бороздину. Все это онъ выдумалъ, конечно съ цѣлью не остаться безъ дѣла въ будущемъ.

Вслѣдствіе этого моего заявленія гр. Шуваловъ потребовалъ отъ г. Бороздина письменнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, въ которое онъ былъ замѣшанъ. Черезъ недѣлю гр. Шуваловъ далъ мнѣ прочесть, у себя на квартирѣ, подробную записку г. Бороздина. Я просто ахнулъ, такъ въ ней все было наврано и извращено. Перепутавъ съ дѣйствительными фактами моей жизни массу дикихъ небылицъ, г. Бороздинъ излагалъ въ этой запискѣ, что, въ виду моей радикальной репутаціи и превосходныхъ литературныхъ связей, онъ задумалъ свести меня съ правительствомъ и съ революціонною организаціею, въ расчетѣ, что если этимъ путемъ и нельзя устроить умиротворенія, то можно будетъ выслѣдить по моимъ сношеніямъ главнѣйшія нити организаціи. Для пущей важности онъ въ запискѣ своей выдавалъ за революціонеровъ и меня самого, и массу моихъ еще болѣе безобидныхъ знакомыхъ.

По прочтеніи записки я сказалъ гр. Шувалову, что она до такой степени лжива, что я теряюсь въ догадкахъ — сочинена ли она полупомѣшаннымъ маниакомъ, убѣжденнымъ въ повальной преступности всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, или же проходимцемъ, нагло эксплуатирующимъ наивность своего начальства. Я тутъ-же выставилъ внутреннія противорѣчія отдѣльныхъ частей записки и привелъ убѣдительные факты ея лживости. Я указалъ именно на такія обстоятельства, которыя могли быть провѣрены гр. Шуваловымъ тутъ же, въ Петербургѣ. Гр. Шуваловъ прервалъ мой анализъ, указывая мнѣ на его излишество: — я самъ вижу, и записка г. Бороздина прямо подтверждаетъ, что этотъ господинъ вралъ и вамъ и намъ, онъ эксплуатировалъ и васъ и насъ. Поэтому гр. Шуваловъ убѣдительно просилъ меня, во первыхъ, не показывать вида г. Бороздину, что мнѣ ясна его роль и извѣстны его ухищренія, а во вторыхъ, болѣе объ этомъ дѣлѣ съ Бороздинымъ ни слова уже не говорить. Въ противномъ случаѣ, если г. Бороздинъ заподозритъ, что его роль разгадана, онъ можетъ нанести вредъ гр. Воронцову-Дашкову, что особенно нежелательно въ настоящее время.

Я забылъ сказать, что раньше, чѣмъ дать мнѣ ознакомиться съ запискою г. Бороздина, гр. Шуваловъ взялъ съ меня честное слово, что ея содержаніе останется между нами, и что я никакой исторіи по поводу этой записки не затѣю. Только на этомъ условіи онъ далъ мнѣ прочесть записку.

XI.

О каждомъ посѣщеніи и сообщеніи гр. Шувалова я своевременно давалъ отчетъ С. Н. Кривенко, который регулярно держалъ Н. К. Михайловскаго въ курсѣ всего, касавшагося партіи вообще и нашихъ переговоровъ въ частности. Имъ обоимъ, да и прочимъ дѣятелямъ партіи, страстно желалось вѣрить въ успѣхъ переговоровъ. Видимо, то была въ ту пору послѣдняя надежда. Поэтому С. Н. Кривенко сдѣлалъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, съ одобренія не только Н. К. Михайловскаго, но и членовъ Исполнительнаго Комитета, нѣсколько ходовъ, заслуживающихъ вниманія и о которыхъ не могу не распространиться. Но раньше, чѣмъ перейти къ этимъ ходамъ, позволю себѣ сдѣлать здѣсь выписку изъ помѣщенной мною въ январьской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1883 г. статьи „Луи Бланъ и Гамбетта“. Она дастъ ясное понятіе о моемъ тогдашнемъ отношеніи къ партіи и о томъ, какіе я ей совѣты тогда давалъ, какія перспективы чертилъ.

„Двѣ главныя черты, писалъ я, съ особенною рельефностью обрисовываются въ первоначальной дѣятельности Гамбетты, и черты эти, безспорно, занимаютъ виднѣйшее мѣсто въ ряду его заслугъ. Онъ съумѣлъ привлечь къ республикѣ симпатіи средняго сословія — арміи и буржуазіи — и заинтересовалъ въ ея процвѣтаніи массы искусныхъ, дѣятельныхъ и сильныхъ личностей, до него входившихъ въ контингентъ монархическихъ партій. Путемъ настойчивой пропаганды, неопровержимыми доводами разума, облеченными въ образную и пламенную рѣчь, доказалъ онъ пугливимъ, своекорыстнымъ и апатическимъ слоямъ болѣе или менѣе мелкихъ собственниковъ всякаго рода, что одна только республика можетъ дать Франціи истинный порядокъ, не тотъ, что держится на силѣ штыковъ и на угнетеніи всѣхъ живыхъ силъ общества, а разумный, дѣйствительный порядокъ, созидаемый правильнымъ удовлетвореніемъ законныхъ стрем-

лений и интересовъ страны. Нужно помнить, что прежняго правительства Франціи нашипиговали темныя массы населенія безконечнымъ количествомъ предубѣждений и клеветъ противъ республики и республиканцевъ. Эти басни о потокахъ крови, о разбояхъ и т. п. разрушилъ Гамбетта съ необычайнымъ блескомъ таланта. Вторая, еще болѣе важная заслуга, оказанная имъ дѣлу прогресса, заключается въ установленіи дисциплины между республиканцами, въ созданіи той организаціи, которая помогла республиканской партіи выйти побѣдительною изъ борьбы со всеми врагами, и въ постепенномъ превращеніи этой партіи, изъ оппозиціонной, въ партію способную править государствомъ.

„Еще до Гамбетты республиканцы, по численности своей, составляли во Франціи едва-ли не самую значительную изъ политическихъ партій. Но ихъ вліяніе не только на ходъ событій, но и на умы согражданъ, было нейтрализовано междусоборницей отдѣльныхъ группъ партій. Ни общей, сколько-нибудь уясненной цѣли, ни систематично направляемыхъ пріемовъ, ни взаимной помощи, ни—главное—экономіи въ затратѣ силъ и средствъ не было въ партіи и помину. Если республиканская партія, тѣмъ не менѣе, признавалась серьезною политической силою, съ которою волей-неволей приходилось считаться власти, если ея ряды росли и увеличивались, если она не глохла въ бездѣйствіи, то объясняется это, съ одной стороны, стихійною силою историческаго прогресса и непрерывнымъ приливомъ новыхъ и новыхъ силъ страны, а съ другой—героическимъ, беззаветно самоотверженнымъ характеромъ дѣятельности главнѣйшихъ членовъ партіи. Люди, въ родѣ Армана Кареля, Годфруа Кавеньяка, Гарнье-Пажеса старшаго, Ледрю-Роллена и т. п., приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе и завоевывали изумленные симпатіи толпы, не только блескомъ таланта или благородствомъ стремленій, но и фанатической страстностью энтузіазма и всегдашней готовностью во всякую минуту ставить на карту и свободу свою, и жизнь для достиженія цѣлей, всѣмъ тогда казавшихся химерическими. Примѣръ ихъ плодиль массы послѣдователей. Таковы, обыкновенно, начальные шаги всякой живучей партіи, всякаго ученія, имѣющаго за собою будущность. Но разъ героическія усилія первоначальной фаланги привлекли къ партіи толпы сторонниковъ, потребна становится разумная и дальновидная организація, цѣль которой—идти дальше уже не скачками, не на авось, не очертя голову, а твердою и естественною поступью, стройность которой возрастала бы по мѣрѣ постепеннаго усиленія могущества партіи. Возникаютъ заботы о томъ, что затрату силъ и средствъ надо сообразовать съ вѣроятнымъ значеніемъ ожидаемыхъ результатовъ, что нужно заранее взвѣснить и рассчитать каждый шагъ, каждый переходъ, чтобы не пришлось возвращаться вспять или топтаться на мѣстѣ. Рисковать, ставить ребромъ послѣдній грошъ, не заглядывать въ будущее могутъ и должны только люди, не имѣющіе прочной обстановки. Но когда владѣшь средствами навѣрняка добиться, хоть поздноато, но за то уже безъ риска, чего-нибудь осязательнаго и долговѣчнаго, было бы уже неразумно удѣлять хоть малѣйшую дозу своихъ средствъ на рискованныя попытки. За всѣмъ тѣмъ, нѣтъ ничего труднѣе, какъ перейти отъ кружковой, рискованной политики къ партійной, строго выдержанной. Да это и естественно. Въ политикѣ главное дѣло энергія, какъ въ составленіи плана дѣйствія, такъ и въ его осуществленіи. А энергія, какъ извѣстно, вещь трудно хранимая и удобно улетучивающаяся. Можно набрать массу лицъ, способныхъ проявить величайшую энергію въ теченіи извѣстнаго количества часовъ или дней, способныхъ безтрепетно встрѣтить смерть, смѣло подставить грудь подъ удары. Но у очень немногихъ изъ тѣхъ же вполнѣ энергичныхъ натуръ хватить выдержки сохранить ту же силу энергіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, предъ лицомъ не смерти, а мелкихъ, еле замѣтныхъ будничныхъ затрудненій. Люди, непреклонные передъ угрозою смерти, сплошь и рядомъ опускаются и уступаютъ передъ мелкою интригою, передъ прозаическими препятствіями. На этомъ основаніи, политическому дѣятелю требуется, въ сущности, несравненно болѣе твердости и энергіи при приведеніи въ исполненіе сложной, послѣдовательной партійной программы, чѣмъ при участіи въ повременныхъ испышкахъ и манифестаціяхъ, хотя бы и крайне рискованныхъ или эффектныхъ. Съ другой стороны, всякая партійная программа требуетъ для сколько-нибудь удовлетворительнаго выполненія, огромнаго количества разнообразныхъ талантовъ, знаній и силъ, тогда какъ кружковая, будучи, по необходимости, узко-одностороннею, можетъ обойтись несравненно болѣе скромными средствами. Вотъ почему и французскіе республиканцы черезчуръ долго оставались безъ партійной организаціи, сохраняя характеръ разрозненныхъ кружковъ или, вѣрнѣе, болѣе или менѣе мелкихъ цыганскихъ таборовъ, предоставленныхъ каждый отдѣльно всѣмъ превратностямъ и случайностямъ стихій... А кружковъ

плодилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Соотвѣтственно съ увеличеніемъ числа adeptовъ должны были, конечно, усложняться и задачи партіи, и планы дѣйствія, да и самая роль или борьба должна была принять болѣе вѣснй характеръ. Ничуть не бывало. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ смерти Армана Кареля и Годфруа Кавеньяка, ихъ партія оставалась, въ главныхъ чертахъ, въ томъ же положеніи, въ какомъ была при нихъ, несмотря на то, что въ теченіи этого промежутка времени партія разъ уже захватила въ свои руки власть и почти годъ (1848) упражнялась въ ней. Въ теченіи этихъ сорока лѣтъ все, что только можно было придумать для ослабленія и уничтоженія вліянія партіи, было пущено въ ходъ не только ея врагами—это было бы въ порядкѣ вещей—но и самими членами и adeptами партіи, ихъ раздорами, ихъ взаимнымъ противудѣйствіемъ, ихъ неумѣлостью и промахами.

„Когда Гамбетта примкнулъ къ этой партіи, въ послѣдніе годы царствованія Наполеона III, она представляла собою хаотическую массу взаимно враждовавшихъ кружковъ, дѣйствовавшихъ каждый за себя, часто наперекоръ другъ другу. Нужно было вращаться въ этихъ кружкахъ, дотрогиваться пальцемъ до царившей въ нихъ мелкоты политическихъ замысловъ и концепцій—мелкоты, всегда неразлучной съ замкнутостью въ тѣсномъ кругу—чтобы понять всѣ затрудненія задачи, предпринятой Гамбеттой, сплотить воедино всѣ эти разрозненные элементы. Не говоря уже о личномъ самолюбіи и тому подобнымъ, въ сущности не важныхъ, препятствіяхъ, какое количество энергіи, настойчивости и труда нужно было пустить въ ходъ, чтобы справиться съ предрассудками, иллюзіями и традиціями каждой отдѣльной группы и побудить ее промѣнять ея мелкія, но излюбленные задачи на общую и притомъ крайне отдаленную“ („Отеч. Записки“ 1883, № 1, отд. II, стр. 80—83.)

А далѣе, на страницахъ 102 и 103 той же статьи, я возставалъ противъ мысли, будто социализмъ можетъ прекрасно ужиться съ неограниченною монархіею, и важнѣйшею заслугою Луи Влана выставилъ то, что онъ разрушилъ это заблужденіе.

XII.

Возвращаюсь къ своему разсказу. Чѣмъ болѣе я терялъ надежду, тѣмъ все болѣе и болѣе цѣплялся за меня, какъ за якорь спасенія, С. Н. Кривенко, отъ себя и по уполномочію Н. К. Михайловскаго. По его словамъ—а онъ неспособенъ былъ говорить неправды—партіи необходимо увѣрить правительство въ томъ, что переходъ ея къ легальной дѣятельности и отреченіе отъ терроризма совершенно возможны, если только правительство въ свою очередь измѣнитъ политику. Предстоявшій около того времени судъ надъ Юріемъ Богдановичемъ (Кобозевымъ) и судившимися вмѣстѣ съ нимъ народовольцами показался лучшимъ средствомъ произвести такое впечатлѣніе. Выдающіеся члены партіи должны были однообразно заявить на судѣ, что на путь террора ихъ поставило само правительство, своимъ нетерпимымъ отношеніемъ къ ихъ народолюбческой дѣятельности, и что, въ случаѣ допущенія правительствомъ легальной пропаганды, словомъ и дѣломъ, социалистическихъ воззрѣній, партія откажется отъ системы террора, ею усвоенной. С. Н. Кривенко придумалъ даже, для болѣе яркой формулировки этихъ заявленій, сдѣлать меня защитникомъ въ Сенатѣ кого-нибудь изъ подсудимыхъ. Его выборъ палъ на Юрія Богдановича. Кто имѣлъ удовольствіе находиться въ сношеніяхъ съ Сергѣемъ Николаевичемъ, тотъ знаетъ—можно-ли было отказать ему въ чемъ либо. Получивъ мое согласіе на произнесеніе обстоятельной рѣчи въ этомъ смыслѣ, С. Н. Кривенко устроилъ такъ, что Богдановичъ заявилъ прокуратурѣ о выборѣ меня въ защитники, а я получилъ повѣстку—явиться въ Сенатъ, гдѣ меня

предупредили держать себя на судѣ умѣренно, и снабдили пропускомъ въ Петропавловскую крѣпость, для свиданія съ кліентомъ. Тамъ меня свели въ сырое подземелье, гдѣ за семью замками сидѣлъ мой тифлисскій незнакомецъ, страшно исхудавшій и обросшій русою бородою. Онъ очень мнѣ обрадовался и болѣзненно сжалъ руки. Когда насъ оставили однихъ, мы съ нимъ переговорили въ немногихъ словахъ о системѣ защиты и условились, что кому изъ насъ говорить. Было видно, что онъ въ курсѣ переговоровъ, которые я велъ. Понизивъ голосъ, онъ спросилъ меня: скажите мнѣ откровенно—буду ли я повѣшенъ? Я васъ увѣряю, я не боюсь смерти, но мнѣ нужно заранѣе знать это. Вы меня очень, очень обяжете уясненіемъ этого вопроса. Узнайте, пожалуйста.

Я сдѣлалъ все возможное, чтобы успокоить его на этотъ счетъ. Я и въ самомъ дѣлѣ былъ увѣренъ, что теперь, передъ коронаціею, никто уже повѣшенъ быть не можетъ, что смертныя казни и трескучіе приемы не въ системѣ гр. Д. А. Толстого, дѣйствующаго по іезуитски, безшумно. Въ крайнемъ случаѣ я надѣялся достигнуть черезъ гр. Шувалова смягченія участи своего кліента.

Въ сенатѣ мнѣ удалось ознакомиться лишь съ первыми томами громаднаго дѣла, въ которомъ мнѣ приходилось—но не пришлось—принять участіе. Должно быть я простудился въ подземныхъ корридорахъ и камерахъ Петропавловской крѣпости. За два или три дня до разбора дѣла у меня обнаружилось крупозное воспаленіе легкихъ. Лечившій меня докторъ Н. И. Кусковъ, обычно сильно подбадривающій своихъ паціентовъ, принялъ очень озабоченный видъ. Онъ обложилъ меня льдомъ съ головы до ногъ и пустилъ въ ходъ чисто воловьи средства. Но меня даже въ бреду тревожила участь Богдановича и мысль, что какъ онъ, такъ и С. Н. Кривенко, могутъ заподозрить, будто я нарочно сбѣжалъ отъ роли, ими мнѣ данной. Я еле успѣлъ дать знать суду и кліенту о своей болѣзни, отъ которой, впрочемъ, Н. И. Кусковъ довольно скоро спасъ меня.

На послѣдующихъ свиданіяхъ съ гр. Шуваловымъ я постоянно старался наводить разговоръ на судьбу Богдановича и его товарищей, причемъ всегда заключалъ рѣчь увѣренностью, что никто изъ нихъ казненъ не будетъ; иначе это значило-бы вновь открыть серію покушеній и убійствъ. Тоже самое сказалъ я гр. Шувалову, когда тотъ привезъ мнѣ новость, что гр. Д. А. Толстой отнынѣ ни съ кѣмъ считаться не хочетъ и никакихъ уступокъ никому не сдѣлаетъ, такъ какъ считаетъ свою партію окончательно выигранною, послѣ того, какъ изловилъ Вѣру Николаевну Фигнеръ и послѣднихъ могику „Народной Воли“.—„Много такихъ еще народить Русь святая, проговорилъ я, и Карагенъ все-жъ будетъ разрушенъ*). Когда смертный приговоръ уже былъ постановленъ, гр. Шуваловъ заѣхалъ ко мнѣ съ сообщеніемъ, что во Дворцѣ не знаютъ, какъ быть съ осужден-

*) Несмотря на этотъ свой отзывъ, я сраженъ былъ извѣстіемъ объ арестѣ В. Н. Фигнеръ и долго страдалъ отъ мысли, что онъ, вѣроятно, слѣдствіе моего поведенія: не прослѣдила ли полиція Н. К. Михайловскаго, во время его поѣздки на югъ, для совѣщанія съ членами Исполнительнаго Комитета? Имѣю основаніе думать, что и самъ Н. К. Михайловскій мучился такимъ же опасеніемъ, пока не выяснилось, что В. Н. Фигнеръ выдана была Дегаевымъ.

ными: казнить, или нѣтъ? Быть можетъ это говорилось съ цѣлью подороже продать черезъ меня революціонерамъ помилованіе осужденныхъ. Я привялъ очень серьезный видъ и горячо сталъ убѣждать гр. Шувалова употребить всевозможныя усилія, чтобы помѣшать этой ошибкѣ. Я увѣрялъ, что знаю изъ надежнѣйшихъ источниковъ, что не было бы 1 марта, если-бы въ ноябрѣ 1880 г. гр. Лорисъ-Меликовъ не повѣсилъ Прѣснякова и Квятковскаго *). Я чуть-ли не головою ручался гр. Шувалову, что казнь Богдановича или Вѣры Фигнеръ и кого либо изъ ихъ сообщниковъ несомнѣнно обогреть кровью коронацію, и просилъ его непременно передать это мое предостереженіе гр. Воронцову-Дашкову.

Черезъ день гр. Шуваловъ заѣхалъ ко мнѣ веселый и сіяющій, сыпля остротами и сарказмами.—„Наша взяла, всѣ, всѣ безъ исключенія помилованы, никто казненъ не будетъ“. Я вздохнулъ полной грудью. Для этого, дѣйствительно, стоило пачкаться съ г. Бороздинымъ.

XIII.

Оставалось достигнуть главнаго—освобожденія Н. Г. Чернышевскаго.

Я не отставалъ отъ гр. Шувалова и многократно видѣлся съ нимъ, то у него на дому, то у себя въ квартирѣ. Рѣчь у насъ главнымъ образомъ шла объ оформленіи дѣла на счетъ освобожденія Чернышевскаго. Я ему доставилъ біографическія свѣдѣнія о личности и о процессѣ этого писателя, сообщенныя мнѣ А. Н. Пыпинымъ, и проектъ докладной записки. Послѣдняя была написана А. Н. Пыпинымъ очень сильно и сжато, но въ полемическомъ тонѣ противъ приговора Сената. Въ ней доказывалось—какъ дважды два четыре—что Чернышевскій пострадалъ невинно**). Гр. Шуваловъ черезъ нѣсколько дней привезъ мнѣ ее обратно, заявивъ, что ея представленіе неминуемо погубитъ дѣло. Онъ предложилъ мнѣ, взамѣнъ, калиграфически переписанное на великолѣпнѣйшей бумагѣ всеподданнѣйшее прошеніе отъ имени сыновей Н. Г. Чернышевскаго. Въ немъ говорилось, что какъ бы велики ни были преступленія ихъ отца, онъ ихъ искупилъ двадцатилѣтними сграницами, безропотно перенесенными съ безпримѣрнымъ смиреніемъ. Въ заключеніе просилось о помилованіи страдальца и о возвращеніи его на родину, дабы семья могла окружить заботами послѣдніе дни его уже окончательно разбитой жизни. Скрѣпя сердце, я отвезъ это прошеніе А. Н. Пыпину. Сыновья Н. Г. Чернышевскаго, разумѣется, согласились подписать бумагу. Прошло около двухъ недѣль со времени ея передачи гр. Шувалову, безъ всякой вѣсти объ ея судьбѣ. Потомъ гр. Шуваловъ пріѣхалъ

*) Гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, котораго я спрашивалъ, почему онъ впалъ въ эту ошибку, увѣрялъ меня, что прекрасно сознавалъ ея значеніе, но вынужденъ былъ сдѣлать эту уступку Наслѣднику, который, въ качествѣ Главнокомандовавшаго войсками Гвардіи, настойчиво требовалъ казни Квятковскаго за подготовку взрыва Зимняго Дворца, во время котораго погибло множество солдатъ Финляндскаго полка.—Ну а казни Прѣснякова кто требовалъ, допытывался я.—Вся Полиція, отвѣтилъ гр. Лорисъ-Меликовъ, за убійство имъ городского.

(Прѣсняковъ убитъ при вооруженномъ сопротивленіи во время своего ареста на улицѣ не городского, а швейцара одного дома. Ред. журнала „Билое“).

**) Записка эта сохранилась у меня. Не печатаю ее потому, что теперь ея доводы и данныя общеизвѣстны.

ко мнѣ и торжественно вручилъ, на бумагѣ съ своимъ фамильнымъ гербомъ, собственноручную подписку въ томъ, что онъ, флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества графъ такой то, съ Высочайшаго соизволенія, далъ мнѣ обязательство добиться освобожденія изъ Сибири и возврата на родину государственнаго преступника Н. Г. Чернышевскаго. Не доумѣвая, что это значить, я увѣрялъ гр. Шувалова, что нимало не нуждаюсь въ такой подпискѣ и никому предъявлять ее не обязанъ и не намеренъ. Не вѣря въ серьезный успѣхъ переговоровъ, я взялся вести ихъ единственно въ расчетъ добиться освобожденія Чернышевскаго, и вполнѣ полагаюсь на данное мнѣ слово гр. Воронцова-Дашкова. Но гр. Шуваловъ просилъ непременно отобрать у него подписку. „Я вижу, говорилъ онъ, Чернышевскаго страшно трудно вырвать изъ „ихъ“ рукъ. Только отобрание вами у меня этой подписки дастъ мнѣ и гр. Воронцову-Дашкову возможность настаивать во Дворцѣ и передъ гр. Д. А. Толстымъ на исполненіи обѣщанія, даннаго вамъ. Но вы обязаны говорить, если васъ спросятъ, будто это вы меня вынудили дать вамъ такую подписку и будто я долго отказывался выдать ее.

Приходилось, значитъ, становиться и шантажистомъ.

Наконецъ, въ концѣ марта 1883 г., гр. Шуваловъ доставилъ мнѣ проектъ той статьи коронаціоннаго манифеста, которая распространяла помилованіе на случаи, подходящіе къ положенію Чернышевскаго. Онъ просилъ меня внимательно взвѣсить выраженія этой статьи и сообщить ему—удовлетворяютъ-ли они меня и нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь подвоха со стороны гр. Д. А. Толстого? Я отвезъ проектъ А. Н. Пыпину съ просьбою—посоветоваться съ компетентными знатоками. Не знаю, съ кѣмъ онъ совѣтовался, и совѣтовался-ли съ кѣмъ. Онъ скоро вернулъ мнѣ проектъ, высказавъ, что дѣло не въ его выраженіяхъ, а въ томъ, какъ они будутъ примѣнены къ Н. Г. Чернышевскому. Это я передалъ слово въ слово гр. Шувалову, который удостоверилъ меня, что, если только коронація сойдетъ съ рукъ благополучно, Н. Г. Чернышевскій непременно будетъ возвращенъ на родину. Оставалось только ждать исполненія этого обѣщанія.

Въ апрѣлѣ 1883 г. гр. Шуваловъ еще разъ или два заѣзжалъ ко мнѣ, „такъ просто, поговорить, душу отвести“. Онъ находилъ, что гр. Д. А. Толстой ведетъ Россію къ совершенному застою и развалу, что общество пало духомъ, что революціонеры ослѣплены, что на нихъ уже никакой надежды питать нельзя, и что спасенія можно ждать только отъ смѣлыхъ, рѣшительныхъ людей. Сначала мнѣ казалось, что рѣчь идетъ о „дѣйствахъ“, въ родѣ 1762 или 1801 гг. Каково-же было мое изумленіе, когда изъ дальнѣйшихъ словъ выяснилось, что вся надежда спасенія Россіи покоится на мнѣ. Гр. Шуваловъ находилъ, что міромъ правятъ только „шкурныя чувства“, и что поэтому мнѣ слѣдуетъ твердо и властно увѣрить Александра III, что революціонеры его всенепременно и очень скоро убьютъ, какъ убили его отца, если только онъ не дастъ Россіи конституціи, что они безповоротно рѣшили не покладать рукъ, пока не добьются этой заветной цѣли. Гр. Шуваловъ увѣрялъ, что легко можетъ выхлопотать мнѣ аудіенцію у Государя, если я согласенъ держать ему подобныя рѣчи.

Я вѣжливо отклонилъ отъ себя эту роль пугала, объяснивъ гр. Шу-

валову, что на такой рискъ можно пойти, или имѣя за собою всѣ живыя силы страны, или будучи опьяненнымъ личнымъ честолюбіемъ.

Гр. Шуваловъ еще немного „побесѣдовалъ“ со мною, приличія ради, и скоро ушелъ съ явнымъ сожалѣніемъ о моемъ неумѣннѣ пользоваться обстоятельствами. Съ тѣхъ поръ я его уже не встрѣчалъ.

Коронація, какъ извѣстно, благополучно окончилась въ маѣ 1883 г. Лѣтомъ того же года я былъ командированъ на Кавказъ правленіемъ Общества Закавказской желѣзной дороги для урегулированія затрудненій, возникшихъ по ея нефтянымъ перевозкамъ. Никакой возможности наводить справки о дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго у меня поэтому не было. Только по возвращеніи въ Петербургъ я прочелъ въ началѣ ноября въ газетахъ извѣстіе, что Чернышевскій переведенъ „на жительство“, но не на родину, въ Саратовъ, какъ, мнѣ было обѣщано, а въ Астрахань. И на томъ—спасибо. Позже я узналъ, что ему не возвращены его „права состоянія“. Тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ вполнѣ улеглись мои волненія по поводу участія въ этихъ странныхъ и бесплодныхъ переговорахъ.

XIV.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго 1884 года заѣхалъ ко мнѣ гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, и, не заставъ дома, оставилъ карточку съ просьбою безотлагательно повидать его. Я смогъ это сдѣлать лишь утромъ слѣдующаго дня. Онъ рассказалъ мнѣ, что В. К. фонъ-Плеве, произведенный имъ, въ 1880 г., во дни „диктатуры сердца“, изъ прокуроровъ судебной палаты въ директоры департамента государственной полиціи, показалъ ему доносъ на меня, сдѣланный г. Бороздинымъ, и спрашивалъ его о моей личности. Въ доносѣ, кромѣ вздора, составившаго записку поданную гр. Шувалову, утверждалось, будто я снабжаю революціонеровъ свѣдѣніями и указаніями высочайшей важности, получаемыми мною отъ графовъ Лорисъ-Меликова и Воронцова-Дашкова! Къ этому гр. Лорисъ-Меликовъ прибавилъ, что онъ объяснилъ В. К. фонъ-Плеве что за человекъ г. Бороздинъ, предлагавшій и ему свои услуги, въ качествѣ шпіона, но очень скоро обнаружившій вздорную лживость.—Тѣмъ не менѣе онъ совѣтовалъ мнѣ сходить къ г. Плеве и лично объясниться съ нимъ по этому поводу. „Я даже сказалъ ему, что непременно пришло васъ къ нему“, заключилъ бывший диктаторъ.

Когда я, вслѣдъ затѣмъ, явился въ департаментъ государственной полиціи, то увидѣлъ, что меня тамъ ждали. В. К. фонъ-Плеве принялъ меня чрезвычайно вѣжливо и даже привѣтливо. Я объяснилъ ему, что желалъ бы быть гарантированнымъ отъ будущихъ доносовъ серьезнымъ разслѣдованіемъ увѣреній г. Бороздина. Хорошо, что теперь случились тутъ вы и графъ Лорисъ-Меликовъ, да и я оказался подъ рукою, въ Петербургѣ. А вѣдь можетъ случиться, что вы получите другое назначеніе, гр. Лорисъ-Меликовъ окажется за границую, а я могу быть въ командировкѣ, гдѣ-нибудь въ Баку. Воздушается г. Бороздину, что онъ заработаетъ деньги новымъ сочинительствомъ въ этомъ же родѣ, и меня, раба Божія, могутъ вслѣдствіе этого арестовать въ провинціи, везти въ столицу, держать, пока не докажу вздорности доноса и т. д.

Видимо, В. К. фонъ-Плеве не такой рѣчи отъ меня ждалъ. Онъ на-

супилъ свои густыя брови, велѣлъ подать мое дѣло, и, перебирая его листы, полустрого, полу-иронически, говорилъ:

— Мы не настолько наивны, какъ вамъ кажется. Мы прекрасно знаемъ цѣну словъ Бороздина и лучшимъ доказательствомъ того, что нисколько ему не вѣримъ, служить то, что вы на свободѣ. Мы и про васъ не мало знаемъ. Вотъ, напримѣръ, полюбуйте, до какихъ мелочей доходить наша освѣдомленность: передъ государственною преступницею Лебедевой вы отзывались непочтительно о новомъ Государѣ...

— Да развѣ я зналъ, что это государственная преступница? И почему я такъ отозвался? порицая 1-ое марта.

— Другой государственной преступницѣ Любатовичъ, продолжалъ Вячеславъ Константиновичъ, вы тогда-то помогли улигнуть отъ полиціи...

— А вы, на моемъ мѣстѣ, поступили-бы иначе?

— Третьей, Усовой, собиравшей деньги на ссыльныхъ, вы тогда то дали столько-то рублей и т. д. Мы все это знаемъ, знаемъ ваши тенденціи, знаемъ, что вы пишете въ такихъ вліятельныхъ и непріязненныхъ намъ органахъ, какъ „Отечественныя Записки“, и, всетаки, не мѣшаемъ вамъ жить въ столицѣ, развѣзжать по странѣ. Значитъ не такіе ужъ мы тираны. Но вы черезчуръ многого захотѣли, если думаете, что мы способны развѣ навсегда дать вамъ охранный листъ изъ-за того только, что г. Бороздинъ васъ оклеветалъ. Для этого нужна увѣренность, которой у насъ, вы прекрасно понимаете, не имѣется...

Я собрался раскланяться.

— Вы жалуетесь на неудобства и опасности, но не хотите обратить вниманія на то, что неудобства эти неизбежны въ вашемъ положеніи. Не мы вамъ его навязали. Вы сами захотѣли сидѣть межъ двухъ стульевъ...

— Въ этомъ вы, ваше превосходительство, жестоко ошибаетесь: я стою внѣ обѣихъ сторонъ...

В. К. фонъ-Плеве больше меня не удерживалъ.

Скоро я узналъ, что В. К. фонъ-Плеве учредилъ надо мною „строжайшій надзоръ полиціи“. Это распоряженіе оказалось препятствіемъ къ утвержденію меня въ должности потійскаго городского головы, на которую я былъ избранъ болѣе чѣмъ десять лѣтъ послѣ изложенныхъ событій. Для снятія надзора въ началѣ слѣдующаго царствованія, въ декабрѣ 1894 г., понадобилось ходатайство предводителей дворянства двухъ губерній и личное заступничество Главноначальствовавшаго на Кавказѣ, г.-ад. С. А. Череметева.
